

в другой жизни он будет с избытком вознагражден за все земные страдания и это служит ему великой поддержкой. Оставьте это заблуждение. Отложите всякие разговоры о морали и философии до того момента, пока народ настолько просветится, что сможет в достаточной мере уразуметь истинную ценность религиозных верований. Подождите до того времени, пока у вас будут такие проповедники морали, которые смогут вдохнуть в молодую еще душу народа полное понимание его былых заблуждений.

«Но в настоящий момент, когда народ находится в состоянии варварства, попытка отнять у него его идеи и его заблуждения была бы преступлением против нации. Подождем, пока свет просвещения озарит хижины бедняков. Я лично не знаю другого божества, кроме бога вселенной, и иной веры, кроме веры в справедливость и свободу. Но крестьянин, кроме того, верит еще в человека-утешителя, в котором он видит святого, потому что ему он обязан в своем детстве, в зрелые годы и под старость несколькими мгновениями счастья, потому что душа этого несчастного требует нежности и пламенно привязывается ко всему, что носит печать величия.

«Да, оставьте ему его заблуждения, и просвещайте его. Скажите ему вполне определенно, что задача Конвента не разрушать, а усовершенствовать, что он преследует фанатизм именно потому, что хочет свободы религиозных мнений. Пусть народ не боится потерять то единственное, что привязывает его к земле — в том случае, если он не обладает земными благами». (Курсив наш — Я. М.).

Если Дантон, выражавший, как известно, интересы наиболее состоятельной части мелкой буржуазии, т. е. той части ее, которая во время и благодаря революции переродилась в так называемую «новую» крупную буржуазию, вполне естественно должен был особенно сильно подчеркивать охранительные функции религии, то в несколько более слабой степени встречаем мы ту же самую тенденцию и у виднейшего представителя основного, крепкого, ядра мелкой буржуазии — Робеспьера. Доказательством этого служит его статья, напечатанная в декабрьском номере его «Писем к его избирателям».

«Мой бог, — говорит в этой статье Робеспьер, — это бог, сотворивший людей для равенства и счастья, покровительствующий свободе и уничтожающий тиранов; мой культ, — это культ справедливости и человечности. Как и другие, я не признаю власти священников; это только лишняя цепь, сковывающая людей; цепь невидимая, связывающая души и которую может разорвать один только разум. Дело законодателя — помочь освободительной работе разума; но взять ее на себя целиком он не может. Ему никогда не следует отставать от выдвигаемых жизнью запросов, но в еще меньшей степени он должен опережать их. В отношении религиозных предрассудков наша страна, с моей точки зрения, находится в благоприятном положении; общественное мнение весьма прогрессивно. Царство суеверия почти разрушено; священники уже в

меньшей степени являются теперь об'ектом поклонения, чем самая идея религии и предмет веры.

«Свет философии, проникая в самые отдаленные от нас области, разогнал жуткие и нелепые призраки, созданные честолюбием священников и политикой королей и ставшие под их давлением предметом слепого обожания. Теперь в сознании остаются только те достойные почитания догмы, которые служат опорой нравственности и тому высокому и трогательному учению о равенстве, которое сыни Марии преподал некогда свои согражданам. Близится, несомненно, время, когда евангелие разума и свободы станет евангелием всего мира.

«Законодатели, вы можете ускорить наступление этой эры законами общего порядка, свободной конституцией, просвещающими умы, возраждающей нравы и поднимающей души до естественной простоты, но отнюдь не случайным декретом или финансовой спекуляцией. Если народ освободился от большей части давивших его предрассудков и суеверий, то он отнюдь не склонен рассматривать религию, как установление, безразличное для него или подчиненное политическим целям. Догмат божественности начертан в душах, и народ связывает его с той религией, которую он до сих пор исповедывал; с ней же он в значительной степени связывает и свои нравственные идеи. Открытое нападение на религию народа равносильно таким образом покушению на его нравственность. Группа философов может обосновать свою мораль на иных началах, но люди, чуждые глубоких и сложных проникновений, привыкли отождествлять нравственные мотивы с религиозными принципами и не могут без содрогания видеть, как государство приносит религию в жертву иным, чуждым интересам. Если бы народ стал поступать иначе, он нанес бы великий вред своей нравственности; ибо всякий, кто ради соблазна отказывается даже от заблуждения, признаваемого им за истину, тем самым уже порочен.

«Твердо помните, что ваша революция покоятся на идеях справедливости и что все, что может так или иначе подорвать нравственное чувство народа, препятствует ее развитию..

Повремените до того часа, когда священные основы общественной нравственности смогут быть заменены законами, нравственными и политическими идеями. Если бы Декларация Прав человека была уничтожена тиранами, мы снова нашли бы ее в законе божием, который навязывался нам для почитания церковным деспотизмом; и если нужно, чтобы за счет всего общества граждane собирались в общих храмах и преклонялись перед великой идеей Высшего Существа, то вспомним, что по крайней мере здесь, перед ее лицом, сильный и слабый, богатый и бедный действитель но равны между собой и сливаются в одно целое.

«Чтобы не говорили, проект Комитета, вместо того, чтобы облегчить народ, налагает на него всю тяжесть издержек культа. Присмотритесь внимательнее к тому, какая часть общества ос-

вободилась от влияния религиозных идей. Богатые классы, и это обясняется тем, что одни из их представителей более образованы, а другие только более испорчены Кто убежден в необходимости религии? наиболее слабые, наименее обеспеченные, — потому ли, что они не умеют рассуждать и мало просвещены, или же вследствие других причин, обусловивших в свое время быстрое распространение христианства именно благодаря тому, что провозглашенная сыном Марии мораль посылает проклятие тиранам и безжалостным богачам и несет утешение нищим и отчаявшимся. «Итак, именно на бедных граждан лежит вся тяжесть церковных расходов, или же они попадут в зависимость от богатых и священников. Им придется просить религиозного подаяния так же, как они просят хлеба и работы, или же, не имея возможности оплачивать труд священника, они вынуждены будут отказаться от его услуг. И это худшая из возможностей, так как именно тогда они и почувствуют всю тяжесть нужды, отнимаящей у них блага жизни, вплоть до надежды. И тогда они вознавидят людей, которые заставили их покупать право выполнять то, что они считают священной обязанностью. Вы говорите о свободе совести, а между тем предлагаемая вами система уничтожает ее, как как не все ли равно лишить народ возможности использовать свою религию или просто запретить ее особым законом? Никакая власть не имеет права уничтожать установленный культ, пока сам народ не перерастет его».

(Курсив наш — Я. М.).

Таким образом Робеспьер, в противоположность Дантону, полагает, что христианство ценно не только потому, что оно служит утешением беднякам в их страданиях, т. е. иначе говоря удерживает их от посягательств на «священное» право собственности, но также и потому, что оно освящает принцип социального неравенства. И если, как мы говорили выше, с момента прихода монтаньяров к власти, та ранее возлагавшаяся мелкой буржуазией на религию функция, которая может быть определена как защита ее от ударов справа, была осуждена на неизбежное отмирание, то чрезвычайно характерно, что Робеспьер в своей статье прямо связывает ее с возможностью уничтожения Декларации прав, т. е. иначе говоря, контр-революции. Что же касается того, что охранительная функция религии звучит у Робеспьера несравненно слабее, чем у Дантона, то обяснения этого следует искать в том, что дантисты отражали интересы той прослойки мелкой буржуазии, которая в это время уже начала свое превращение в буржуазию крупную.

При таком настроении как дантистов, так и робеспьеристов, совершенно очевидно, что огромное большинство монганьяров осенью и зимой 1792 года отнюдь не собирались вступать с католической религией не только в последний и решительный, но и вообще в какой бы то ни было бой. К тому же мы уже видели, что наряду с этими общими принципиальными соображениями, большинство монтаньяров полагало, что при существующих в то время условиях, борьба с католицизмом чревата самыми грозными политическими опасностями.

Что же касается до жирондистов, то, вполне сочувствуя, как это показывает статья Бриссо от 14 ноября, предложению

Камбона, они, как мы видели выше, боялись использования вызванного этим проектом в народных массах недовольства не только контролем революционерами, но и сторонниками «агарного закона». Поэтому и они склонились в конце концов к позиции, враждебной планам финансового комитета и далеко не случайностью была поэтому статья Кондорсе в номере его газеты «Парижская хромика» от 2 декабря 1792 г., в которой он, между прочим, писал:

«Армия, созданная Учредительным Собранием для борьбы с прежним духовенством (подразумевается «конституционное» духовенство — Я. М.) оплачивается по несколько высокой оценке, но было бы несправедливым распустить ее, не назначив пенсии генералам и солдатам. Отбросим всякие соображения религиозного характера, предложим, что каждая деревня, согласно уставившемуся обычаю, оплачивала содержание брата милосердия, ухаживающего за больными; предположим далее, что однажды пришли к мысли не привлекать к взносам тех, кто не доверяет фельдшерам, принадлежащим к данной корпорации. Будем ли справедливо заявить больным, пользовавшимися их помощью: медицинский персонал больше не оплачивается; вам придется сами оплачивать своих врачей. Не ответят ли нам на это больные: дайте нам, по крайней мере, необходимое время для принятия соответствующих мер, чтобы обеспечить себя медицинской помощью. Наша ли вина, что мы не привыкли выбирать и оплачивать врачей самостоятельно?»

Совершенно очевидно, что при таком настроении как жирондистов, так и большинства монтаньяров, Национальный Конвент не мог последовать по пути, предложенному Камбоном, Шабо и Манюэлем. В том же самом заседании 30 ноября, в котором была произнесена цитированная нами выше речь Дантона, Конвент постановил обратиться к народу с адресом, в котором будет указано, что Конвент никогда не имел в виду лишать его данных ему гражданским устройством духовенства служителей культа». А когда 11 января 1793 г. делегация граждан некоторых коммун департаментов Эры, Орны и Эр-и-Луары явилась требовать от Конвента «сохранения католической религии и свободы ее культа согласно постановлений 1790 г.», то принятное в ответ на это постановление гласило:

«Национальный Конвент переходит к порядку дня, мотивируя это тем, что существует его декрет 30 ноября, предписывающий составить обращение к народу, в котором ему будет объяснено, что Национальный Конвент никогда не имел намерения лишить служителей католического культа, данных ему гражданским устройством духовенства».

Таким же точно духом был проникнут декрет 23 марта 1793 года, гласящий, что «каждый гражданин, возвеличивший себе не-приличные действия в посвященных религии местах или уличенный в каком бы то ни было виде богохульства, будет передан в Руки правосудия и наказан согласно важности его поступка».

Если все законодательство Конвента зимы и весны 1793 г. свидетельствует о том, что не говоря уже, само собой разумеется, о жирондистах, и значительное большинство монтаньяров не было еще охвачено к этому времени процессом перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией, то о том же самом говорят кам и прения, имевшие место в Конвенте 19 апреля 1793 г.

Этот день начался, обсуждавший в 9:15 время проект новой Декларации прав, рассматривал текст ст. 8, которая гласила: «Всякий человек свободен в отправлении своего культа».

Первый в возникших в связи с этой статьей прениях взял слово депутат, фамилия которого в отчете о заседании не указана. «Я решительно возражаю, — начал он свою речь, — против того, чтобы эта статья была включена в Декларацию прав. Законодатель не имеет никакого права вмешиваться в отношения, существующие между человеком и божеством. Культ в свободном государстве является ничем иным, как выражением чувств, питаемых человеком в отношении силы, которую он в тайниках своего сердца рассматривает как божество и я твердо убежден, что никто из здесь находящихся не должен вмешиваться в подобный вопрос, ни как законодатель, ни как человек.

«Добавляю, что издавать законы по данному предмету было бы неполитично и неразумно, ибо декрет, который поставил бы предел культу, тем самым признал бы существование такового. Это значило бы увековечить необходимость священников, а мы ведь слишком долго страдали от связанных с их существованием несчастий, чтобы стремиться к их возрождению». (Курсив наш — Я. М.).

Итак, целиком признавая наличие связанных с существованием священников зол, оратор тем не менее полагал, что законодатель не имеет права вмешиваться в отношения, существующие между человеком и божеством. Ясно, что при такой точке зрения не может быть речи о перерастании борьбы с духовенством в борьбу с религией.

Еще более подчеркнутое уважение к принципу свободы культа находим мы в речи следующего оратора, жирондиста Вернио:

«Осуждаемая сейчас нами статья, почти совпадающая по выражениям с той, которая содержалась в старой Декларации прав, является результатом деспотизма и суеверия, под гнетом которых Франция так долго страдала. Принцип католической церкви, гласящий, что «нет спасения вне церкви», хотя и не доился установления во Франции инквизиции, переполнил тем не менее наши бастилии.

«Когда Учредительное Собрание дало свободе первый толчок, для прекращения установившейся страшной нетерпимости и разрушения предрассудков, оказалось необходимым провозгласить принцип веротерпимости и свободы культов... Но теперь, когда разум прояснился и когда окутывавшие так долго человеческие души предрассудки рассеялись, я не думаю, чтобы в Декларации общественных прав следовало освящать принципы, совершенно чуждые общественному строю. Человек свободен в своих мыслях и своем культе, и живи он в обществе или в лесу, он все равно свободен обращаться на запад или на восток для чествования своего божества. А между тем вы не можете провозгласить эту свободу в статье Декларации, не заставляя тем самым предположить, что без этой статьи свобода бы эта не существовала... Если в Декларацию прав вы включите статью, освящающую свободу культов, можно будет думать, что издаваемыми вами по-

лицейскими законами вы можете в том или ином отношении ограничить эту свободу. А это было бы страшной ошибкой, ибо свобода культов существует сама по себе она неограничена и независима от какого бы то ни было общественного договора». (Курсив наш — Я. М.).

После Вернио — на трибуну поднялся Дантон. «Вернио, — заявил он, — раскрыл перед нами бесспорные и вечные истины. Учредительное Собрание, свободе действий которого мешали существование короля и наличие все еще сковывавших нацию предрассудков, а равно издавна установившаяся нетерпимость, не могло нанести какого либо удара общепризнанным тогда принципам и сделало очень много для свободы, установив начальное веротерпимости. Но сейчас, почва свободы уже расчищена и мы обязаны перед французским народом базировать его государственный строй на вечных и бесспорных основаниях. Так неужели же мы посмеем заявить: французы, вы пользуетесь правом почтить то божество, которое по вашему мнению это заслуживает; французы, вы пользуетесь свободой выбора культа!

«Не забывайте, граждане, что, как вам это было только что указано, отношение между человеком и богом не могут быть регулируемы людьми...

«...С другой стороны, человеческий разум не может идти вспять и у нас нет никаких оснований полагать, что народ может испугаться за существование свободы культа на том только основании, что свобода эта не будет вписана вами в кодекс законов. Мы уже излечились от мании священников. Если суеверие играет еще некоторую роль в терзющих республику движениях, то это лишь потому, что наши врачи всегда его широко использовали; но заметьте, что как только народу удавалось освободиться от этих махинаций, он почти всегда рассматривал как обманщиков всех тех, кто стремился поставить себя между ним и божеством и почти во всей Франции требовал изгнания священников, во имя бога проповедывавших граждансскую войну.

«Итак, остерегайтесь того, чтобы плохо думать о ваших со гражданах — разум нации сумеет справиться со всеми предрасудками. Не включайте в Декларацию прав человека, которая должна составить предмет уважения для наших потомков, статьи, основанной на подобном несправедливом предположении. Перейдя к порядку дня, вы тем самым нанесете удар священникам, и нация будет нам за это благодарна». (Курсив наш — Я. М.).

Таким образом Дантон, подобно первому из выступивших в этот день ораторов, в самых резких выражениях обрушившись на священников, вместе с тем не только не делал каких бы то ни было выводов против религии, но и прямо утверждал, что никто не имеет права вмешиваться в отношении между человеком и божеством. С этим согласился и следующий оратор, жирондист Жансонне, предложивший исключить статью 8 из текста Декларации прав, а самый вопрос о свободе культов отложить до рассмотрения соответствующей части конституции. Национальный Конвент с этим согласился и соответствующее решение было принято им в том же самом заседании 19 апреля.

При обсуждении конституции 1793 г. вопрос о свободе культа возник во время рассмотрения ст. I главы 26, проект которой гласил: «Конституция гарантирует всем французам право петиций, право организовать народные общества, а равно и пользование всеми правами человека». Обсуждение этой статьи имело место 18 июня 1793 г., т. е. уже после революции и 2 июня, и вполне очевидно, что к этому времени процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией должен был, по сравнению с зимой и весной 1793 года, сделать весьма значительные успехи, захватив уже даже часть робеспьеристов. Поэтому не приходится удивляться, что когда в заседании 18 июня жирондист Бойс—Фонфред предложил дополнить указанную статью гарантированием свободы культа, против этого резко выступил робеспьерист Левассер, заявивший: «Не следует говорить в конституции о культурах, ибо французский народ не признает никаких культов, кроме культа свободы и равенства». (Курсив наш — Я. М.).

Но если таким образом Левассер возражал против предложения Бойе-Фонфреда из принципиально анти-христианских соображений, то совершенно иными мотивами руководствовался сам Робеспьер, также высказывавшийся против указания в конституции на гарантию свободы культа:

«Я прошу собрание обратить внимание не столько на самий принцип, сколько на форму его выражения. Учредительное Собрание внесло соответствующую статью в Декларацию прав потому, что оно боялось пробудить фанатизм. Но теперь, при совершенно иных обстоятельствах, вы должны рассмотреть ближайшие последствия, могущие вытечь из подобной статьи. Я боюсь, как бы заговорщики не использовали для уничтожения общественной свободы ту статью конституции, которая будет гарантировать свободу культа. Я опасаюсь, как бы люди, желающие составить контр-революционные сообщества, не скрыли их под религиозными формами. Если мы им тогда сдадим: «Вы собираетесь под предлогом отправления нашего культа, но на самом деле являетесь заговорщиками», они нам ответят: «Мы имеем за собой конституцию и законы, и вы не имеете права толковать наши намерения и мешать нашим религиозным церемониям». Такова возможность бороться с свободой».

Таким образом Робеспьер, отнюдь не возражая против принципа свободы культа, как такового, боялся лишь, что его провозглашение в конституции сможет быть использовано контр-революционным духовенством. Само собою разумеется, что такая перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией.

Национальный Конвент согласился с Робеспьером и отверг предложение Бойе-Фонфреда. Но когда через шесть дней после этого, а именно 24 июня, Национальный Конвент стал рассматривать всю конституцию в целом, в ст. 122, заменившую ст. 1 главы 26-й, оказалась также включенной и гарантия свободы культа. Чем обяснять такую странную непоследовательность? Крайняя краткость прений, сопровождавших в заседании 24 июня

окончательное принятие текста конституции 1793 г., не позволяя дать на этот вопрос положительного ответа и приходиться ограничиться простыми догадками. Весьма вероятно, что Комитет Общественного Спасения, представивший Конвенту текст конституции, учитывая создавшееся в это время критическое положение на фронтах гражданской войны, побоялся создавать новый поход для недовольства широких масс населения и в последнюю минуту решил отступить от того принципа ставки на просвещенность масс, который был 19 апреля столь красноречиво развит Дантоном. Так или иначе, но указание на свободу культа было включено.

IV.

Произведенный нами анализ законодательства Национального Конвента по вопросам религии и церкви зимой, весной и летом 1793 г. позволяет утверждать, что в это время мы находим во всей его деятельности ни одного мероприятия,ющего быть истолкованным, как результат перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией. Хотя процесс этого перерастания сделал за первую половину 1793 г. довольно значительные успехи, в силу чего мы в конвентской речи робеспьера Левассера 18 июня 1793 г. находим выражения, весьма напоминающие те, которые произносились эбертистами еще осенью 1792 г. — тем не менее и летом 1793 г. значительное большинство робеспьеристов, не говоря уже конечно о дантинах, оставались на своих прежних позициях и тщательно отделяли дело борьбы с контр-революционным духовенством от борьбы с католической религией, как таковой.

Если таким образом обстояло еще летом 1793 г., то совершенно очевидно, что уже с сентября — октября того же года картина не могла не перемениться. Та полная переоценка ценностей, которая была связана с переходом монтаньяров в сентябре 1793 г. к «плебейскому способу» буржуазной революции, не могла, само собой разумеется, не затронуть и вопрос религии и поэтому неудивительно, что к этому времени перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией делает заметные успехи, захватывая уже и часть робеспьеристов. А так как, с другой стороны, известно то весьма сильное влияние, которым осенью 1793 г. пользовались эбертисты, и так как многие дантисты из явно демагогических соображений старались в это время ни в чем не отставать от своих врагов слева, — ясно, что именно осенью 1793 г. перерастание борьбы с духовенством в борьбу с религией должно было проявиться во всей своей полноте и не могло не наложить самого яркого отпечатка на деятельность не только Конвента, но и всех вообще органов революционной диктатуры того времени.

Первым ясным выражением этого явления было принятие Национальным Конвентом знаменитого революционного календаря. Доклад по этому вопросу был представлен Конвенту от имени комитета народного образования, близким по своей классовой природе к робеспьеристам, монтаньяром, будущей жертвой прериала, Жильбером Роммом 20 сентября 1793 г.

В кратком вступлении, предшествующем практической части доклада, Ромм изложил принципиальные мотивы, диктующие необходимость замены старого гregorianского календаря новым, революционным.

Вы предприняли, — говорил Ромм, — обращаясь к Конвенту, — великое дело, приступив к созданию новой системы меры и веса, существующей внести в это дело то однообразие, без которого не могут развиваться торговля и промышленность. Но этого еще недостаточно... «Искусства и истории, для которых время является необходимым моментом исчисления, требуют от вас новой меры времени, освобожденной от ошибок, которые легковерие и суеверные традиции передали нам от минувших веков невежества.

«Принятое ныне летоисчисление зародилось у невежественного и легковерного народа и посреди беспорядков, предшествовавших близкому падению римской империи. В течение 18 веков оно служило для фиксирования прогрессов фанатизма, унижения народа, позорных успехов гордости, пороков и глупости, преследований и разочарований, бывших уделом добродетели, талантов и философии, под гнетом жестоких или допускавших других быть жестокими от их имени, despотов. Принятое ныне летоисчисление было летоисчислением жестокости, лжи, лицемерия и рабства и оно должно окончиться вместе с монархией, источником всех наших несчастий.

«Революция возродила души французов; она каждый день обучает их всем новым и новым революционным добродетелям. Книга истории раскрылась на новой странице и дальнейший ход времени, величественный и прости, как равенство, должен посредством нового резца начертать анналы возрожденной Франции».

Соответственно этим принципам, Ромм предлагал начать новое летоисчисление с 22 сентября 1792 г., т. е. дня провозглашения республики. Удобство этого дня, как момента начала новой эры, крайне облегчается тем, что 22 сентября является днем осеннего равноденствия. Продолжительность года и число месяцев должны были остаться прежними, но каждый месяц, делившийся на 3 декады, должен был содержать только 30 дней. Остающиеся пять дней, (а в высокосные годы—шесть) не входили ни в какой месяц и должны были быть помещены в конце года. Сутки должны были разделяться на десять частей, поделенных дальнейшему разделению согласно той же десятичной системе.

Прения по докладу Ромма начались 5 октября. Если общие положения Ромма встретили всеобщее и полное сочувствие, то иначе обстояло дело с предложенной им сложной системой наименования месяцев и дней. В наиболее четком виде выставленные по этому поводу возражения были формулированы монтаньяром Дюгемом:

«Французская революция не дошла еще до намеченного философией предела, а между тем она уже породила ряд памятных событий, которые законодателю было бы приятно освятить. Но кто может поручиться, что то, что будет им отмечено, будет действительно наиболее великим? Не последует поэтому за примером римского папы, заполнившего свой календарь именами святых и оказавшегося в затруднительном положении, когда появ-

ились новые святыне, для которых уже не было места. Поэтому же в силу одного этого соображения, я призываю вас отказаться от моральных названий и ограничиться обычными названиями, являющимися наиболее простыми.

«Следствием этой системы будет тот результат, к которому вы стремитесь. Ваш календарь, вместо того, чтобы быть календарем одной только французской нации, станет календарем всех народов, которые никогда не откажутся от цифровой нумерации, являющейся естественной. Этим путем вы избегнете той скалы, о которую разбились все предшествующие законодатели.

«Народ, под которым я подразумеваю тех, кого образование еще не просветило; народ, говорю я, всегда склонен к какому нибудь суеверию и всегда стремится принимать за реальность представляемые ему метафизические идеи... Берегитесь, поэтому, дать благодарную почву для деятельности фанатиков будущих времен; опасайтесь, как бы они когда нибудь не воспользовались символами, которые вы включите в свой календарь, для того, чтобы превратить их в объект суеверного культа. Поэтому я голосую за цифровой принцип нумерации подразделений времени; при этом условии наш философский календарь сможет стать базой всемирной республики».

Когда же Ромм перебил Дюгема замечанием, что предлагающая им система лишает новый календарь «того морального и революционного характера, который увековечит его для будущих времен», Дюгем продолжал:

«Да, календарь этот не будет представлять моральной картины, но уверены ли вы в том, что то, что вы так называете, будет казаться таковой и потомству, взгляды которого будут более здравыми, а нравы—более чистыми, нежели у нынешних поколений? Уверены ли вы, что она не послужит когда нибудь основой для тех глупостей, которые попытаются с ней связать как революционные, так и контр-революционные священники? Разве вы уже не видели, граждане, как конституционные священники пытались придать нашей революции религиозный характер?».

Выступление Дюгема, исключительно ярко передающее то настроение, в котором пребывали в это время многие монтаньеры, от вражды к католическим священникам начинавшие переходить к вражде к самой католической религии, как таковой, оказалось повидимому на Конвент сильное впечатление. Не взирая на выступления некоторых ораторов, пытавшихся поддерживать Ромма, Конвент принял лишь те общие положения его проекта, которые касались введения нового календаря и принципов летоисчисления. Что же касается до вопроса о наименовании месяцев и дней, то Конвент высказался за принцип цифровой нумерации. Но так как эта система, при всех своих достоинствах, представляла также и крупные недостатки (слишком большая сложность датировки) то Конвент уже на следующий день избрал специальную комиссию, которой и поручил представить ему доклад по этому вопросу.

Доклад этой комиссии был прочитан дантонистом Фабр д'Эглантином 24 октября 1793 г. Вот его важнейшие места:

«Возрождение французского народа и установление республики с необходимостью вызвали реформу общепринятой христианской эры. Те годы, когда нас угнетали цари, мы не могли вклю-

чить во время нашей жизни. Каждая страница календаря, которым мы пользовались, была опоганена предрассудками и ложью, исходящими от трона и церкви. Вы преобразовали календарь, вы заменили его другим, в котором время исчисляется более точно и более симметрично. Но этого еще недостаточно. Долгая привычка к гregорианскому календарю внедрила в память народа значительное число образов, которые он долго почитал и которые еще и ныне являются источником его религиозных заблуждений. Необходимо, следовательно, на место этих бредней невежества поставить утвержденную разумом действительность, а на место поповского обмана—истину природы. Все наше сознание совершается только при посредстве образов; наша память находит точки опоры лишь в образных представлениях. И если вы хотите, чтобы как самая система, так и вся совокупность нового календаря с легкостью проникли в ум народа и с быстротой запечатлелись в его памяти, вы должны прибегнуть к методу образного изложения.

«Но вы должны стремиться не только к этой цели. Поскольку это для вас возможно, вы должны стараться, чтобы в разум народа проникло только то, что отличается признаками общественной пользы. Вы должны воспользоваться счастливым случаем, чтобы с помощью календаря, как наиболее употребительной книги, вернуть французский народ к земледелию. Ибо именно земледелие является естественным уделом подобного нам народа, на который земля, небо и природа взирают с такой любовью и предрасположением.

«Если в каждый момент года, месяца, декады и дня взоры и мысль гражданина будут обращены к земледельческому образу, к благодеянию природы, к предмету сельского хозяйства, то—вы не должны в этом сомневаться—нация вступит на великий путь земледельческой системы, а каждый гражданин воспылает любовью к действительным и подлинным дарам природы, которыми он наслаждается. Ибо в течение веков народ любил только фантастические вещи, всяких выдуманных святых, которых он не видел, и которых еще менее понимал. Я скажу еще более: священникам удалось в такой мере придать значение своим идолам лишь потому, что каждому из них они приписывали какое-либо прямое влияние на те предметы, которые больше всего связаны с действительными интересами народа. Так, например, от св. Иоанна зависел урожай, а св. Марк был покровителем виноградников.

«Если бы мне понадобились аргументы, чтобы обосновать необходимость власти образов над человеческим умом, то, не вдаваясь в метафизические анализы, я нашел бы достаточно фактов в теории, учении и опыте духовенства. Например, священники, конечная цель которых всегда была и будет в том, чтобы покорить человеческий род и скованым держать его в своей власти, установили день поминовения усопших. Они внушают нам отвращение к земным и светским благам, чтобы самим более свободно наслаждаться ими; с помощью сказок и образов чистилища, они подчиняют нас своему влиянию. И посмотрите, на каждую хандрость пускаются они, чтобы пленить воображение людей и по своему произволу управлять ими. Свой фарс они разыгрывают не среди блещущей красками и свежестью радостной весенней природы. Нет, на могилы наших отцов они ведут нас второго ноября.

ря, когда уход светлых дней, печальное и серое небо, пожелтевшая трава и падающие листья наполняют нашу душу меланхолией и унынием»¹⁾.

На этом же самом принципе, продолжал далее Фабр д'Эглантин, строят священники и все прочие организуемые ими празднества. Так, праздник, «тела господня» устраивается ими в начале лета, т.-е. в момент максимального подъема эмоциональных элементов души. А для того, чтобы полностью овладеть умами крестьян, священники устраивают моления об успешном урожае не осенью, когда урожай уже близок к реализации и размеры его известны, а в начале мая, в ясное весеннее утро. При этом священники как бы говорят, обращаясь к крестьянам:

«Это мы, священники, покрыли зеленью эти нивы, это мы оплодотворяем эти поля столь прекрасной надеждой, благодаря нам наполняются ваши житницы. Верьте нам, почитайте нас, повинуйтесь нам, обогащайте нас. В противном случае град и грозы, которыми мы располагаем, накажут вас за ваше неверие, за непокорность и непослушание».

«И земледелец, пораженный красотой зрелищ и богатством образом, верил, молчал, повиновался и без труда приписывал посредничеству обманщиков—попов чудеса природы.

«Такова была ловкость махинаций священников; таково влияние образов. И поэтому комиссия, которую вы избрали, чтобы сделать новый календарь более доступным и легче запоминаемым, полагает, что она достигнет своей цели, если сумеет поразить воображение выразительными названиями и в то же время воспринимающее подействовать характером и последовательностью употребленных образов.

«Первая идея, легшая в основание нашего труда, состоит в том, чтобы с помощью календаря освятить земледельческую систему и вовлечь в нее нацию. Чем больше память будет иметь точек опоры, там с большей легкостью будет она действовать. Исходя из этого, мы решили каждому из месяцев года дать специфическое название, которое выражало бы свойственную ему температуру и характер его земледельческой продукции и которое в то же время сразу выражало бы то из четырех времен года, в коем этот месяц находится».

Соответственно этим принципам, Фабр д'Эглантин предложил хорошо продуманную и четко проведенную систему наименования различных месяцев.

Счет года начинается с 22 сентября. Три осенних месяца носят названия, являющиеся словами «с тяжелым ударением средней длины». Это вандемьер (сентябрь—октябрь, месяц сбора винограда), брюмер (октябрь—ноябрь, месяц туманов) и фример (ноябрь—декабрь, месяц холодов).

Зимние месяцы носят названия, отличающиеся «тяжелым звуком и протяжным произношением». Это нивоз (декабрь—январь, месяц снега), плювиоз (январь—февраль, месяц дождей) и вантоз (февраль—март, месяц ветров).

¹⁾ А. Р., т. XXVII, стр. 499—500. Как в этой, так и в следующих цитатах из доклада Фабр д'Эглантина, мы пользуемся частично русским переводом, содержащимся в книге И. Вороницына, «История атеизма», часть 3.

Для названий весенних месяцев пригоден «веселый звук, с кратким произношением». Таковы жерминаль (март—апрель, месяц всходов), флореаль (апрель—май, месяц цветов) и прериаль (май—июнь, месяц лугов).

Летние месяцы должны иметь названия, характеризующиеся «звуковым тоном и широким произношением». Это мессидор (июнь—июль, месяц нивы), термидор (июль—август, месяц жары) и фрюктидор (август—сентябрь, месяц фруктов).

Что касается до подразделения месяцев, то Фабр д'Эглантин предлагал делить их на три декады, каждый день коих должен был носить простое порядковое название. Названия эти следующие: примиди, дуоди, триди, катриди, кэнкиди, секстиди, септиди, октиди, nondi и декади. Дополнительные пять (а в высокосные годы—шесть) дней в году должны были называться санкюлотидами, причем они должны были последовательно представлять праздники в честь гения, труда, подвигов, наград и мнения. Шестая санкюлотида, имеющая место раз в четыре года, должна была называться просто санкюлотией».

Проект Фабр д'Эглантина был встречен Конвентом чрезвычайно благожелательно и сделанные ему возражения касались только вопроса о праздновании санкюлотид¹⁾. В остальном же проект получил одобрение и именно он составил таким образом основу декрета о новом календаре, окончательно принятого Конвентом 4 фримера II года, т.-е. 24 ноября 1793 г. Текста этого декрета мы не приводим, так как содержание его целиком совпадает с известными уже нам положениями докладов Ромма и Фабр д'Эглантина.

Одновременно с принятием нового календаря, Национальный Конвент утвердил подробную инструкцию об его введении. Не касаясь здесь, само собой разумеется, ее технических деталей, мы приведем, лишь ту ее часть, которая имеет принципиальное значение.

Инструкция начинается с изложения мотивов, вызвавших издание декрета о введении нового календаря:

«Французская нация, угнетаемая и униженная в течение многих веков самым тяжким деспотизмом, возвысилась наконец до сознания своих прав и могущества, которое ей предначертано судьбой. В течение пяти лет небывалой в истории мира революции, она ежедневно очищается от всего загрязняющего ее и препятствующего ее движению, которое должно быть столь же быстрым, сколь и величественным.

«Французская нация хочет, чтобы ее возрождение было полным для того, чтобы годы ее свободы и славы своим течением еще ярче отмечались в истории народов, чем годы ее рабства и унижения в истории королей...

«...Науки, и в частности история, для которых время является необходимым элементом, требуют установления нового измерения времени, освобожденного от всех заблуждений, перенесенных суеверием и отсталой рутиной из веков невежества в наше время.

«Национальный Конвент предлагает теперь французскому народу это новое летоисчисление; благодаря своей точности, простоте и свободе от всяких предрассудков, отвергаемых разумом и философией, оно носит с себе отпечаток просвещенности нации и основных черт нашей революции»¹⁾.

За этим вступлением следует отдел, посвященный республиканскому летоисчислению. Вот что там, между прочим, говорится:

«Общепринятое до сих пор во Франции летоисчисление возникло во время беспорядков, предшествовавших падению римской империи и во время, когда добродетель сделала несколько усилий, чтобы восторжествовать над человеческими слабостями. Но в течение 18 веков летоисчисление это послужило лишь для того, чтобы отмечать прочность успехов фанатизма, порабощение нации, позорные триумфы гордости, порока, глупости, отвращение к добродетели, талантам и философии, развивавшихся под гнетом жестоких despотов, которые терпели их существование лишь для своего собственного прославления. Неужели потомки прочтут на одних и тех же таблицах, написанных сперва униженной и трусливой рукой, потом рукой верной и свободной,—и восхваляемые преступления королей, и проклятия, которым их предают ныне; суеверие и обман, долго поддержавшихся несколькими лицемерами,—и позор, который покрывает теперь этих подлых и преступных приспешников придворного разврата и грабежа? Нет, прежняя эра была эрой жестокости, обмана, подлости и рабства; она кончилась вместе с падением королевской власти, источником всех наших бедствий.

«Революция закалила душу французов; каждый день она возвышает их до уровня республиканских добродетелей. Время открывает новую книгу истории и своим новым, величественным ходом, простым, как само равенство, оно должно начертать анналы возрожденной Франции новым и чистым резцом.

«Все народы, занимавшиеся историей, выбирали в своих собственных летописях самое замечательное событие, чтобы отнести к нему, как к определенной эпохе, все остальные. Жители Тира вели летоисчисление со временем завоевания своей свободы; римляне—с основания Рима. Французы начинают свою эру со дня основания свободы и равенства.

«Французская революция, благодаря своим плодотворным и энергичным усилиям, благодаря своим обширным и возвышенным результатам, будет для историка и философа одной из тех великих эпох, которые стоят, как маяки на вечном пути столетий».

Инструкция о применении революционного календаря, равно как и оба предшествовавшие его принятию доклада—Ромма и в особенности Фабр д'Эглантина,—показывают, насколько далеко зашел к этому времени в сознании многих монтаньяров процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией. Более

1) Там-же, стр 673. Пользуемся частично русским переводом, помещенным в хрестоматии под ред. Н. М. Лукина «Революционное правительство в эпоху Конвента».

1) Во конце концов было решено посвятить санкюлотиды праздникам в честь добродетели, гения, труда, мнения и наград.

то, не говоря уже о сопровождавших принятие революционного календаря докладах, прениях, инструкциях и т. д., самый этот календарь, как таковой, имел четко выраженную анти-христианскую установку. И авторы календаря это прекрасно сознавали — не даром же на поставленный ему в одном из заседаний комитета по народному образованию епископом Грегуаром вопрос: — «Для чего нужен ваш календарь?», Ромм ответил — «Для того, чтобы уничтожить воскресенье».

V.

Как ни важен революционный календарь как показатель достигшего к сентябрю — октябрю 1793 г. своего апогея процесса перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией, еще важнее однако те практические меры борьбы с христианством, которые около этого же времени стали приниматься в провинции многими конвентскими комиссарами. И то, что инициатива этих мер шла не от Конвента, т.-е. центра, а от его комиссаров, т.-е. иначе говоря периферии, было само собой разумеется, отнюдь не случайностью. В самом деле — ведь до Парижа доходили лишь сравнительно слабые отголоски борьбы с контр-революцией вообще и контр-революцией поповской в частности; самая же эта борьба велась именно в провинции и поэтому именно там процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией должен был принимать наиболее четкие и отточенные формы. С некоторыми примерами этого процесса мы сейчас и ознакомимся.

Перед нами Андрэ Дюмон — монтаньяр и ярый террорист, ставший впоследствии столь же ярым термидорианцем. Командированный летом 1793 г. в качестве конвентского комиссара в департамент Соммы, он вскоре приступает там к ни перед чем не останавливающейся борьбой с контр-революцией, жертвой которой делается прежде всего католическое духовенство. Вот что он пишет, например, в своем донесении Конвенту, написанном в начале сентября 1793 г.

«Граждане-коллеги, у меня едва хватает времени на то, чтобы вам писать. Все бывшие герцоги, графы, виконты, маркизы и т. д., а также и их семьи, сосредоточены, повидимому, в этом kraю. Переходя от ареста к аресту, я вскрою этот гнойник и очищенный таким образом департамент потребует затем лишь щадительного ухода. Шестьдесят четыре неприсяжных священника проживали здесь в прекрасном национальном доме, посреди города. Я узнал об этом и провел их через весь город, чтобы заключить в арестном доме. Вид этой новой породы чудовищ, которых здесь еще не выставляли на показ, произвел прекрасное впечатление: вокруг этого стада черных животных раздавались со всех сторон крики «Да здравствует республика!». Укажите мне какое употребление я должен сделать с этими пятью дюжинами животных, выставленных мною на общественное посмешище».

Обращаясь таким образом с католическим духовенством, Дюмон не проводил новой грани между церковниками неприсяжными и присяжными. Об этом свидетельствует его донесение Конвенту из Амьена от 10 сентября:

«Граждане-коллеги, каждый день открывает нам все новые и новые заговоры и чем больше я произвожу арестов, тем больше я нахожу виновных.

«Дебуа, епископ здешнего департамента, опубликовавший от имени своего совета пасторское послание, на которое нами в свое время было указано, и обвиненный в подделке всеми епископскими викариями, перед лицом нотариуса заявившими, что они и не подозревали о составлении этого письма, — преследовал всех патриотов и общался только с аристократами. Когда мне было об этом сообщено, я решил убедиться в этом и заставил привести этого контр-революционного епископа в народное общество. Приложенная при сем копия его допроса убедит вас в его глубочайшем лицемерии. Другие важные вещи, которые стали известны мне наряду с указанными, заставили меня публично отрешить его от должности и отправить его в арестный дом. Осуществление этой меры было произведено при непрерывных возгласах одобрения со стороны всех санкюлотов. Что делает эту историю особенно забавной, это то, что этот конституционный и контр-революционный священник сидит ныне в арестном доме вместе с неприсяжными попами».

До сих пор, а также и в донесении от середины сентября, в котором Дюмон сообщает об аресте им значительного числа священников, речь идет только о борьбе с духовенством, но не с самой религией, как таковой. Но совершенно очевидно, что перерастание в практике Дюмона борьбы с духовенством в борьбу с религией не могло не замедлить последовать и блестящее доказательство этого дает нам уже следующее донесение Дюмона из Аббевилля от 1 октября:

«Я должен дать вам отчет относительно образа моих действий в этом городе и считаю, что он заслуживает того, чтобы стать общепринятым. Окруженный остатками администрации, которую я устранил при громких одобрениях народа, я получил от народа имена их заместителей. В числе их находились два священника; я счел этот случай подходящим для того, чтобы потребовать от них, в присутствии более, чем восемнадцати сот человек, публичного изложения их убеждений. Я был на трибуне и, быть может, впервые эти два гражданина говорили с нее правду. После того, как я дал понять народу, как его обманывали эти священники; после того, как я разъяснил ему, что это были всего лишь переряженные в черное арлекины и паяцы, которые показывали марионеток; что все, что они делали, было одним кривлянием для выманивания денег; что я надеялся в скором времени увидеть как исповедальни, подобно дворянским грамотам, запылают в торжественном аутодафе, — я заявил, что не считаю возможным верить в приверженность республике людей, называющих себя священниками для того, чтобы обманывать народ, и, согласен принять этих двух кандидатов лишь при условии, что они последуют за мной на трибуну и там изложат свои политические убеждения. Мое предложение, покрытое апплодисментами, повело к очень забавной сцене. Мои два конституционных священника поднимаются на трибуну, которую на это раз я по справедливости называю трибуной истины, и возвещают народу, что все мои слова — истинная правда, и что в действительности не существует иной религии, кроме религии ума и сердца. Гремят ру-

коплескания; крики «Да здравствует Конвент! Да здравствует Гора!» несутся со всех сторон, народ требует, чтобы я дал им братский поцелуй, и я даю его посреди новых рукоплесканий. Когда я уходил, меня торжественно провожал весь народ; ничего не слышно было, кроме криков: «Да здравствует Конвент! Мы спасены».

За примером Андрэ Дюмона следовали и другие конвентские комиссары. Вот что пишут, например, Леньело и Лекинио в своем донесении Конвенту из Рошфора от 18 октября:

«Мы разрушили, наконец, в этой стране ядовитое дерево религиозных предрассудков, в течение стольких веков прикрывавшие людей своей смертоносной тенью, и мы совершили настоящее чудо. В Маренне, в нашем присутствии, народ, забыв, наконец, нелепости, жертвой которых он был столь долгое время, а равно и разделявший его на две секты фанатизм, поклялся не иметь более другой религии, кроме религии истины. Католики и протестанты, собранные в народном обществе, заседающем по-перемено то в католической, то в протестантской церкви, обединились в братских об'ятиях. Они упраздили наименования «священник» и «пастор» и заменили его красивым названием «проповедник морали»; они постановили, что протестантский проповедник морали будет от времени до времени проповедывать в католической церкви, а католический — в протестантской. Равным образом принято решение заменить в обоих церквях текстами декларации прав человека и республиканской конституции нелепые или непонятные картины, символы и изречения, которые наполняли до сих пор обе церкви; когда же будут изданы книги философской морали, они будут начертаны на их стенах. Мы об'явили себя первыми проповедниками этой святой морали и во всех деревнях, орошаемых до сих пор лишь реками проливаемой суеверием крови, мы заставим течь лишь слезы радости, пролитые народов в овладевшем им восторге. Даже священники бросались друг другу в об'ятия и поклялись перед народом в любви, мире и братстве. Мы разорвали вуаль предрассудков без жалости, но лишь с простотой, ясностью и мягкостью, и мы были самы удивлены той легкости, с которой столь долго обманывавшийся лицемерами добрый народ попрал свои прежние заблуждения. Народные общества постановили довести до вашего сведения подробности этих прекрасных сцен, которые душа чувствует, но разум не в состоянии описать. О, если бы они имели место повсюду! И мы не сомневаемся, что повсюду будут достигнуты те же самые результаты и тот же успех, если только смогут взять тот простой и братский тон, при помощи одного только которого можно пытаться просветить народ. Рошфорские жители постановили сегодня, что мы в ближайшее воскресенье заменим в церкви обманщика попа, столь долго проповедывавшего свои лицемерные хитрости.

«Любопытно, что пример всему этому был подан деревнями. Но вы не будете этому удивляться, если знаете, до какой степени злонамеренность и аристократизм господствовали до нашего прибытия в этот город, который был бы сейчас, может быть, подобно Тулону, во власти изменников, если бы только вы не прислали сюда своих представителей.

«На острове, называвшемся раньше Олероном, народ заставил нас все перекрестить. Слово это означало ничто иное, как остров разбойников: мы назвали его теперь островом Свободы. Поселок Сен-Пьер переименован нами в город Братства, поселок Сен Жорж в город Единства, наконец поселок Сен-Дени — в город Соединения. И пусть не подумают, что мы тем самым пре-взошли пределы тех полномочий, которыми мы наделены. Нет, народ этого потребовал, народ этого захотел, а мы всего только сделали, что поговорили с ним простым языком доброты и правдивости. Он сам сбросил ослеплявшую его повязку и во всех этих местах, организованный в народное общество, водворился в храме, где до сих пор он собирался лишь для того, чтобы учиться молоть всякий вздор и верить в бредни, державшие его в рабстве и нищете. Братские банкеты, где председательствовало святое равенство, даны были нами повсюду в публичных местах, и, перенося сюда результаты имевших место в храме философских споров вместе с пламенем гражданственности, зажженных ими во всех душах, тысячекратно восклицали: «За здравствует Разум и Свобода! Да здравствует Национальный Конвент, да здравствует Республика».

Через три дня после этого, а именно 21 октября, Леньело и Лекинио сообщают:

«Разум с каждым днем одерживает здесь все новые и новые победы, предрассудки исчезают и общественный дух формируется. В пятницу народное общество, заседавшее в помещении театра, назначило на воскресение, т.-е. вчера, в помещении церкви, философское сражение между священниками и людьми здравого смысла. Заседание открылось в 4 часа; никогда еще церковь не была так переполнена; чтобы не задохнуться, пришлось выломать стекла. Говорили как мы, так и священник. На этот раз способность совершать чудеса оказалась на нашей стороне: народ понял те простые вещи, о которых мы ему говорили, высмеял кюре, говорившего лишь о тайнах и нелепостях и усвоил с этого времени правильное представление об этих обманщиках. Народ решил, что церковь будет лишена ее прежнего названия, получит наименование храма истины и послужит с этого времени для заседаний народного общества. Народ решил, что он будет теперь знать не священников, но лишь проповедников морали. Крики «Да здравствует Гора!», «Да здравствует Национальный Конвент!» и «Да здравствует Республика!» были тысячу раз повторены этим добрым и святым народом, который до сих пор ничего не понимал из всего того, что говорили и повторяли ему для того, чтобы его ослепить и поработить».

Но несравненно дальше, чем Дюмон или Леньело пошел в своих действиях оперировавший в это время в департаментах Ниевры и Аллье бывший церковник и будущий министр полиции Наполеона — знаменитый Фуше. Еще 26 сентября Фуше устроил в храме Богоматери в Муллене торжественную анти-христианскую демонстрацию¹⁾, за которой скоро последовали разрушение и сожжение различных предметов церковного культа, как то икон, статуй, распятий и т. д. А 10 октября, он издал свое знаменитое

¹⁾ J. Madelin, «Fouché», стр. 101—102.

постановление, которое в виду его исключительной важности мы приводим дословно:

«Именем французского народа, представитель народа в департаментах центра и востока, принимал во внимание, что французский народ не может признавать никаких привилегий, кроме тех, которые установлены законом, справедливостью и свободой; никакого культа, кроме культа всемирной морали; никакой догмы, кроме догмы ее суверенности и всемогущества;

«Принимая во внимание, что в тот момент, когда Республика торжественно об'явила, что она оказывает одинаковое покровительство отправлению культа всех религий, дозволение последователям всех сект выставлять на публичных площадях, дорогах и улицах символы их культа и устраивать религиозные церемонии, могло бы повести к возникновению давки и беспорядков,—

«Постановляет:

«Ст. 1. Все культы различных вероисповеданий могут быть отправляемы только в принадлежащих им храмах.

«Ст. 2. Так как Республика не признает никакого господствующего или привилегированного культа, все религиозные символы, находящиеся на дорогах, площадях и вообще во всех общественных местах, подлежат уничтожению.

«Ст. 3. Всем священникам и служителям культа под страхом заключения запрещается показываться вне храмов в одежде, присвоенной их культу.

«Ст. 4. В каждом муниципалитете, все умершие граждане, к какому бы вероисповеданию они не принадлежали, будут препровождаться через 24 часа после смерти и через 48 часов, если смерть последовала внезапно, на место, предназначенное для общего погребения, под погребальным покровом, на котором будет изображен Сон, в сопровождении общественного чиновника и окруженные своими друзьями, одетыми в траур, и отрядами своих братьев по оружию.

«Ст. 5. Общее место, где будет покоиться их прах, должно быть удалено от всякого жилища и обсажено деревьями, под сенью которых будет возвышаться изваяние, изображающее сон. Все прочие символы подлежат уничтожению.

«Ст. 6. На воротах этого участка, посвященного религиозным почтением душам умерших, будет сделана надпись: «Смерть есть вечный сон».

«Ст. 7. На могилах тех, кого граждане соответствующей Коммуны признают после их смерти оказавшими отечеству ценные услуги, будут воздвигнуты каменные изваяния, украшенные дубовыми венками.

«Ст. 8. Настоящее распоряжение будет напечатано, прочтено и расклеено на протяжении всего департамента, разослано во все генеральные советы коммун и священникам, которые будут ответственны за его исполнение».

Оценивая это постановление, Жорес говорит, что оно «было довольно умеренным, так как признавало свободу религиозных верований и даже свободу культов». Нам кажется, что с такой оценкой соглашаться не приходится: несмотря на то, что свобода культа (но только внутри церквей) и сохранилась, постановление Фуше, не взирая на текст его ст. 2, означало, что

официальным верованием Республики признается атеизм (фраза, что «смерть есть вечный сон» означает ничто иное, как отрицание загробной жизни, т.-е. основного пункта всех без исключения религиозных верований), а все существующие религиозные культуры рассматриваются, как только терпимые. Вот почему, при всей относительной мягкости его практических диспозиций, постановление Фуше представляется нам несравненно более убийственным для христианства, чем все действия Дюмона, Леньело и т. д. и нам для христианства, чем факт издания этого постановления позволяет признать, что к октябрю 1793 г. процесс перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией может считаться в общем и целом законченным.

VI.

Какой отклик вызвали в Париже действия, предпринятые Дюмоном, Фуше и другими комиссарами; действия, которые, как мы знаем, целиком вытекали из обстановки тогдашней классовой борьбы и являлись логическим завершением процесса перерастания борьбы с духовенством в борьбу с религией? Для того, чтобы как следует ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего познакомиться с отношением, существовавшим в этот момент к вопросам религии среди различных прослоек монтаньарской партии¹⁾.

Что касается крайне-левого крыла монтаньаров, т.-е. эбертистов и шометтистов, то мы уже знаем, что именно они первые выставили осенью 1792 г. программу борьбы не только с католическим духовенством, но и самой католической религией, как таковой. Поэтому было совершенно естественным, что при создавшейся через год после этого, в сентябре—октябре 1793 года, обстановке, программа эта получила с их стороны широкое осуществление. При этом, подобно тому, как это было и за год до того, главным орудием проведения эбертистско-шометтистской политики явилась главная цитадель их влияния—Парижская Коммуна²⁾.

Вот что гласит например отчет о заседании Парижской Коммуны от 23 числа первого месяца (14 октября 1793 г.):

«...Слово берет прокурор Коммуны (т.-е. Шометт.—Я. М.). Он рисует картину шарлатанства священников; он обрисовывает этих лицемеров, завладевающих человеком при самом его рождении и покидающих его только в могиле; он доказывает безнравственность внешнего отправления культов; он предлагает затем составить инструкцию относительно способов констатирования рождений и отдания последнего долга почившим гражданам.

¹⁾ Поскольку жиронисты находились в это время уже по ту сторону баррикады, а так называемое «болото» покорно шло на поводу у Горы, совершенно очевидно, что вся политика Конвента и его органов определялась в этот период революции соотношением сил внутри монтаньарской партии.

²⁾ Как известно, прокурором Коммуны был в это время Шометт, а его заместителем Эбер.

«Генеральный Совет принимает предложение Шометта, выбирает комиссаров для составления этой инструкции и постановляет, что служителям всех культов будет запрещено отправлять их обязанности вне зданий, предназначенных для отправления этих различных культов.

«Настоящее постановление будет разослано служителям известных в Париже культов, а равно и главнокомандующему для включения его в приказ».

Продолжение этой же линии мы находим в заседании Коммуны 2 числа 2 месяца (23 октября):

«По предложению заместителя прокурора Коммуны (Эбера Я. М.), Генеральный Совет выносит следующее постановление:

«Генеральный Совет, осведомленный, что, вопреки закону, на многих улицах Парижа существуют еще памятники фанатизма и королевской власти;

«Принимая во внимание, что закон запрещает внешние проявления какого бы то ни было культа;

«Принимая во внимание, что его долгом является заставить исчезнуть как все памятники, дающие пищу религиозным предрассудкам, так и те, которые напоминают о гнусной памяти королях;

«Постановляет, что находящиеся на паперти собора богоматери готические изображения французских королей должны быть в течение недельного срока сняты и уничтожены и что администрации общественных работ поручается, под ее ответственность, представить отчет об исполнении настоящего постановления.

«Кроме того, Генеральный Совет постановляет, что все находящиеся в различных местностях Парижа религиозные изображения будут сняты. Разным образом будут уничтожены все мраморные или бронзовые предметы, на которых выгравированы постановления парламентов против жертв фанатизма и жестокости священников.

«Совет приглашает народные общества указать на все известные памятники варварства и поручает революционным комитетам полностью уничтожить таковые».

Если таким образом позиция занятая по отношению к религии шометтистами и эбертистами целиком и полностью определяется всей историей их предыдущего развития, то совершенно иначе обстояло дело в этот момент с дантонистами. Мы видели выше, что еще весной и летом 1793 г. дантонисты и не помышляли ни о каких нападениях на религию христианскую вообще и религию католическую, в частности; теперь же, осенью 1793 г., если не все дантонисты, то во всяком случае их значительная часть энергично поддерживают в этом вопросе своих ярых противников слева и подобно им решительно требуют разоблачения «поповских обманов» и борьбы с христианской религией!

Объяснения такого столь странного и непонятного на первый взгляд поворота тактики дантонистов следует, само собой разумеется, искать в области не религиозной, а общей политики. Нам уже приходилось отмечать, что дантонисты отражали в своем лице интересы той наиболее состоятельной прослойки мелкой буржуазии, которая в процессе и, главное, благодаря революции, стала перерастать в буржуазию крупную. Известно, что к осени

1793 года это перерастание¹⁾ успело зайти уже настолько далеко, что оно было замечено не только «бешеными»²⁾, но даже и робеспьеристами, сделавшими в это время ряд организационных выводов в отношении дантонистов³⁾. И вот, для того, чтобы привести своим противникам пыль в глаза и показаться более левыми, чем самые эбертисты, дантонисты с явно демагогической целью перенимают осенью 1793 г. у этих последних ряд их лозунгов и, наряду с требованием скорейшей казни жирондистов, начинают копировать эбертистскую религиозную политику. В этом и ни в чем ином и следует искать обяснения позиции, занятой в вопросах религии дантонистами в октябре—ноябре 1793 г.⁴⁾.

Чрезвычайно типичным примером поворота, совершившегося осенью в религиозной политике дантонистов, может послужить Тюль. Весной 1793 г. он еще столь мало помышлял о борьбе с религией, что когда в заседании якобинского клуба 18 февраля один священник жалуясь на преследования со стороны его церковного начальства, требовал борьбы с фанатизмом, Тюль на это возразил, что «наиболее действительным средством борьбы со страшной гидрой фанатизма является проявление к нему полного презрения»⁵⁾. Но с тех пор утекло много воды и изменилось положение самого Тюль, которого, например, в заседании якобинского клуба 25 сентября обвиняли ни больше, ни меньше, как в контр-революционности и сочувствии жирондистам! Не удивительно, что Тюль пришлось не только оправдываться (это было сделано ими в заседании клуба 27 сентября), но и доказывать свою левизну. Эти соображения определили его позицию в революционном вопросе, проявившуюся в следующей речи, произнесенной им в якобинском клубе 6 брюмера (27 октября 1793 г.)

«Поскольку мы достигли теперь вершины принципов великой революции, пора, наконец, сказать правду относительно всех возможных видов религии. Все религии являются чисто условными. Законодатели создали их в зависимости от тех условий, в которых находились организуемые ими народы; при этом, чем менее смыслили они в науке законодательства, тем легче были они на создание культов, предназначенных для того, чтобы удерживать народ в повиновении. Теперь же необходимо проповедовать мораль Республики, мораль революции; только она способна превратить нас в народ братьев, народ философов» (Курсив наш—Я. М.).

В занятой им в октябре 1793 г. позиции (отмечаем мимоходом, что подчеркнутая нами фраза Тюль составляет дословное повторение мыслей Эбера о религии), Тюль далеко не был одинок. Мы уже приводили ярко-анти-христианский доклад, сделанный

¹⁾ Интересные данные по истории этого переростания читатель найдет в книгах Альбера Матьеza: «La corruption parlementaire sous la Terre», «Autour de Danton», «La conspiration de l'Étangier» и других.

²⁾ См. Я. М. Захер «Бешеные».

³⁾ Так, например, при перевыборах в сентябре 1793 г. Комитета Общей Безопасности, из него были выведены дантонисты Шабо, Базир и Жюльен из Тулузы.

⁴⁾ В противоположность Олару, вопреки всякой очевидности в своем «Культе Развума и культе Верховного Существа» пытающемуся доказать, что дантонисты были противниками дехристенизации, совершенно правильный анализ их позиции дает Матьеz («La Revolution et l'église», гл. III).

⁵⁾ «La Société des Jacobins», т. V, стр. 31.

ный по вопросу о календаре другим видным дантонистом—Фабр д'Эглантином; мы еще увидим, что такую же позицию занимал в это время и Базир. Таким образом ясно, что осенью 1793 г. большинство дантонистов заняли, исходя при этом из соображений чисто демагогического порядка, позицию в вопросах религии, весьма сильно напоминавшую позицию эбертистов и шометтистов и само собой разумеется, что это не могло не оказать значительного влияния на линию поведения Национального Конвента и его органов.

Нам остается теперь сказать несколько слов о точке зрения робеспьеристов. Не взирая на то, что некоторая часть робеспьеристов еще с лета 1793 года эволюционировала в вопросах религии в сторону эбертистов (об эволюции Левассера мы уже говорили; с другой стороны, Ромм, который хотя и не симпатизировал Робеспьеру, но по своей классовой сущности был ближе всего к робеспьеристам, выказал себя в своем докладе о календаре, как убежденный противник христианства), большинство представителей этого течения во главе со своим вождем оставались полностью на своих прежних позициях, столь ясно выраженных в статье Робеспьера от декабря 1792 г. Но не взирая на свое резко отрицательное отношение к возглавляемому эбертистами и дантонистами дехристианизаторскому движению, Робеспьер сохранил долгое время молчание и выступил с его критикой лишь 1 фримера, т.-е. 21 ноября 1793 г.

Чем обяснить такое странное поведение Робеспьера? Олар, как известно ненавидивший «неподкупного» и превозносивший Дантон, пытается об'яснять такую политику Робеспьера тем, что перед тем, как выступать против дехристианизации, ему нужно было склонить на свою сторону Дантон ¹⁾. Однако, не говоря уже о том, что такое об'яснение целиком вытекает из столь характерной для Олара переоценки исторической роли Дантона, оно точно также противоречит фактам, ибо мы уже знаем, что, в противность утверждению покойного историка, если не сам Дантон, то уже во всяком случае его ближайшие единомышленники были не противниками, а сторонниками дехристианизации. Поэтому об'яснение Олара должно быть отброшено и вместо него следует исказать какого то другого ключа к об'яснению позиции Робеспьера в первые дни дехристианизаторского движения.

Нам уже приходилось в свое время отмечать, что помимо естественно связанных с его классовой сущностью соображений, Робеспьер был противником борьбы с религией потому, что полагал, что борьба эта будет непонятна огромным большинством трудящихся (и в первую очередь—сельских) масс и может восстановить их против революции²⁾. Осенью 1793 г., как мы дальше увидим, к этому присоединились и другие соображения—внешне политические. И вот, нам кажется весьма вероятным, что если в начале дехристианизаторского движения осени 1793 г. Ро-

беспьер занимал выжидательную позицию и не выступал, то делал он это потому, что хотел преподать своим приверженцам чайядный урок. Не сомневаясь, что движение это встретит отпор со стороны широких масс, Робеспьер ждал проявления такового чтобы, воспользовавшись фактами, бросить на весы все влияние своего авторитета и заставить Конвент отказаться от политики, которую он считал не только вредной для своего класса, но и губительной для всей революции, как таковой.

Правильно наше об'яснение или нет, но факт тот, что в то время когда эбертисты и шометтисты, с одной стороны, и дантонисты с другой, действовали, робеспьеристы молчали. При таких условиях было совершенно понятным, что в октябре и ноябре 1793 г. анти-христианская политика Эбера и Шометта должна была сделаться официальной политикой Национального Конвента и революционного правительства. Результатом этого явился так называемый «Культ Разума», к истории которого мы сейчас и обратимся.

Гл. IV. Культ Разума.

Уже с первых чисел октября 1793 г. в Национальный Конвент стали являться делегации различных коммун Республики, заявлявшие о своем отречении от «религиозного фанатизма» и в качестве доказательства приносившие в подарок Конвенту золотые и серебряные кресты, распятия и прочие предметы религиозного культа ¹⁾. Значительно дальше пошли, однако, жители расположенного недалеко от Парижа небольшого городка Риз-Оранжис. Явившаяся 10 брюмера (31 октября) в Конвент делегация этого городка заявила нижеследующее:

«...Готовясь к отправлению на фронт, один молодой республиканец, сын нашего школьного учителя, стал говорить нам о Бруне; услыша это дивное имя, наши сердца завоиновались. Мы прониклись уважением к его образу и республиканским добродетелям и, увлеченные примером этого героя, решили сместить святого Блеза и об'явить своим патроном Брута.

«...Теперь Рим как бы весь воплотился в нашем городке. Но, законодатели, для римлян—санкюловов являются невыносимыми имя маркиза, нашего бывшего тирана, и присутствие кюре. Название Риз напоминает нам наше прежнее рабство и наше бесчестие, а наш кюре менее полезен нам, чем сам святой Блез, который может по крайней мере нас согреть».

На этом основании делегация Риз—Оранжис, принося в дар Конвенту свои церковные ценности, отказывалась вместе с тем от 1200 ливров, служивших на содержание ее кюре и просила о переименовании городка в Бург-Брютюс, т.-е. город Брута. Конвент согласился с этим предложением, и, покрыв выступление делегатов шумными аплодисментами, пригласил их присутствовать на своем заседании.

Уже дружественный прием, оказанный Конвентом депутатии Риз—Оранжис, а равно и такой же прием, которого удостоились в ближайшие дни явившиеся с подношением церковных ценностей делегаты Невера и Жонесса, показывает в каком настроении

¹⁾ Олар «Культ разума и культ Верховского Существа», стр. 134—135.

²⁾ Олар утверждает, что «для борьбы с культом Разума у Робеспьера было два основания: одно религиозное, другое — политическое». (Цит. соч., стр. 132). Согласиться с такой точкой зрения конечно не приходиться: религиозная политика как Робеспьера, так и других деятелей Великой Французской Революции вытекала, конечно, не из личных религиозных взглядов, а лишь из общей «общественной классовой борьбы того времени».

³⁾ «Moniteur», т. XVIII, стр. 20, 120, 136, 159.

ции пребывало в эти дни конвентское большинство. Еще более показательно в этом смысле заседание 15 брюмера (5 ноября).

В начале этого заседания, было оглашено следующее обращение коммуны Корбейль:

«Граждане-законодатели,

«Коммуна Риз показала пример, заслуженный быть подхваченным всей Республикой. В то время, как стоящая перед лицом обединивших свои усилия внешних деспотов и внутренних аристократов, свобода нуждается во всех принадлежащих ей сокровищах, имеем ли мы право располагать ими иначе, как для поддержания равенства? Нет, конечно, и поэтому суверенный народ не должен оплачивать существ, бесполезных для Республики.

«Республиканцы города Корбейля постановили, что, принимая во внимание старость и немощность их кюре, необходимые для его прокормления средства будут доставляться ему в течение его жизни, но после его смерти содержание его будет упразднено и не будет передано его преемникам. Так как каждый должен сам оплачивать свой культ, от республиканцев нашего города будет зависеть оплачивать в индивидуальном порядке расходы признаваемого ими культа, Республика же будет оплачивать отныне только тех, кто за нее сражаются».

Обращение Коммуны Корбейль было встречено Конвентом знаками одобрения и было постановлено опубликовать его текст. Столь же тепло были встречены и зачитанные в том же заседании донесения Леньело и Лекинио, в которых они сообщали об успехах своей уже известной нам дехристианизаторской политики.

В этом же самом заседании Конвента 15 брюмера, близкий к дантонистам депутат Мари-Жозеф Шенье (брать фельяна и знаменитого поэта Андрэ Шенье, казненного весной 1794 г.) произнес свою известную речь о народном образовании, в которой, между прочим, говорил, обращаясь к Конвенту:

«Освободите сынов республики из под ига теократии, которое еще тяготеет над ними... Свободные от предрассудков, достойные представители французской нации, вы сумеете основать на развалинах развенченного суеверия единую всеобщую религию, в которой не будет ни сект, ни таинств; единственной догмой которой будет равенство, единственными проповедниками—наши законы и единственными жрецами—наши чиновники; религию, которая будет возжигать фимиам только перед алтарем отечества—нашей общей матери и божества».

«Речь Шенье,—гласит отчет о конвентском заседании 15-го брюмера—была встречена сильнейшими аплодисментами» и Конвент постановил отпечатать ее и разослать по департаментам.

Почти сразу же после Шенье выступил монтаньян Шарле, который заявил:

«Посредством нового календаря вы хотели убить фанатизм. В этом календаре вы установили дни отдыха, но день отдыха республиканцев не должен оставаться бесполезным. Я предлагаю, чтобы декады были посвящены ознакомлению великих поступков и подвигов добродетели и храбрости».

Таким образом, революционный календарь должен был по-сущности не только для простого уничтожения воскресений, как об этом уже говорил Ромм, но и для замены их торжествами, по-

своему назначению носящими явно выраженный анти-христианский характер. Конвент согласился с Шарле и поручил своему комитету народного образования представить ему по этому поводу доклад.

Вслед за Шарле, слово взял дантонист Филипп. «Вы декретировали,—заявил он,—отпечатание и рассылку речи Шенье; теперь я предлагаю сделать тоже самое в отношении доклада Фабр д'Эглантина о новом календаре».

Предложение это было принято.

Чрезвычайно важное постановление было принято Национальным Конвентом в его заседании следующего дня, 16 брюмера (6 ноября). Поводом к этому постановлению явилось зачитанное в этот день постановление народного общества коммуны Менне-си, в котором, между прочим, говорилось:

«Народное общество Менне-си, учитывая имевшее место до сих пор господство предрассудков, считает нужным, чтобы отныне народ руководился лишь святой моралью свободы и равенства, которая убьет тот фанатизм, при помощи коего священники обманывали мало развитых граждан...»

«...Народное общество просит вас, законодатели, декретировать:

«1. Чтобы начиная с сегодняшнего дня коммуна Менне-си не имела более кюре;

«2. Чтобы дом кюре был немедленнопущен в продажу в качестве национального имущества, равно как и непроданные до сих пор земли курии;

«3. Чтобы здания, служившие до сих пор в качестве церкви, сделались местом заседаний народного общества. Соответственно этому статуи св. Петра и св. Дениса, бывших покровителей коммуны, должны быть заменены бюстами Марата и Лепеллегье, а посреди алтаря должна быть воздвигнута статуя свободы, дабы все символы фанатизма исчезли перед образом свободы;

«4. Чтобы коммуна Менне-си-Вильруа (т.-е. королевский город.—Я. М.) именовалась отныне Менне-си-Марат.

«От имени народного общества мы явились, чтобы передать вам 1500 ливров, составляющих содержание нашего кюре, а равно его облачение; серебро, могущие быть использованным на монетном дворе; медь, которая послужит для изготовления пушек, кои, помогая доблести наших молодых республиканцев, обратят во прах тиранов; наконец, белье, которое послужит для перевязывания ран наших храбрых санктюотов».

Выступление делегатов коммуны Менне-си было встречено Конвентом не только тепло, но прямо таки восторженно. А затем, по предложению дантониста Базира, Национальный Конвент принял следующие постановление: «По предложению жителей коммуны Менне-си, департамента Сены и Уазы, выраженному в их петиции Конвенту, отменить существование прихода в пределах их коммуны,— Национальный Конвент переходит к порядку дня,motivированному тем, что все граждане имеют право признавать тот культ, который они хотят и упразднять нежелательные им религиозные установления».

Опасаясь, как бы это постановление показалось недостаточно ясным, Конвент, по предложению Тюрьо, кроме того декретировал, что «администрации департаментов получают право

решать, не обращаясь к Конвенту, и согласуя лишь вопрос с администрациями дистриктов, все вопросы, связанные с упразднением, соединением и перераспределением приходов. Все противоречащие этому постановлению законы отменяются».

В тот самый день, когда Конвент принимал это важное постановление, значительно упрощавшие для местных органов дело борьбы с католицизмом, в якобинском клубе близкий к эбертистам Леонар Бурдон внес предложение, в сущности говоря лишь воспроизведяющее проект Камбона 13 ноября 1792 г. Но если Камбон в свое время аргументировал, как мы знаем, лишь соображениями чисто финансового характера, то само собой разумеется, что при создавшейся год спустя обстановке, мотивировка предложения о прекращении оплаты государством каких бы то ни было религиозных культов должна была быть совершенно иной, тем более, что предложение **это** вносилось человеком, близким к эбертизму.

Леонар Бурдон начал с информации о постановлении парижской секции Гравилье, требующей прекращения оплаты культов. Эта секция, говорил Бурдон, «полагает, что государство, не признавая культов, не должно принадлежать ни к одному из них».

«Я не сомневаюсь, — продолжал оратор, что — никто из вас не станет возражать против этой истины и не будет утверждать, что должны существовать привилегированные секты. Если бы кто нибудь стал колебаться, было бы хорошо призвать сюда в качестве доказательства попов и предложить им посмотреть друг на друга без смеха, а равно и попробовать поговорить с нами серьезным и убежденным тоном об их чудесах и тайнах, непорочном зачатии и тому подобных благоглупостях в том же роде.

«Мы нуждаемся только в морали... Наша революция будет закончена в тот момент, когда мы убедим народ, что все эти штуки являются выдумкой и что эти жестокие люди всегда пользовались нашей простотой, чтобы обратить нашу доверчивость против нас же самих.

«Да, призовем попов к трибуналу истины и потребуем их признания в том, что они либо дураки, либо мошенники. Дураки, если верили в эти нелепые сказки; мошенники, если не веря в них, сгремились заставить поверить других и в качестве средства убеждения, прибегали к преследованиям».

«Что касается до Конвента, то поскольку его намерением является упрочить свободу культов (ибо приходится еще прощать эту слабость остатку нашего поколения), ему конечно не придется в голову предоставить какой либо секте преимущество перед всеми другими.

«Я предлагаю обратиться к Конвенту со следующей петицией: пусть все проживающие в пределах какой либо секты католики соберутся и найдут общими силами здание, в пределах которого они за свои два гроша получат все угодные им церемонии, что же касается до государства, то оно должно перестать оплачивать этих бесполезных опасных людей».

Выступивший после Леонара Бурдона не названный в отчете по фамилии гражданин сообщил, что «сегодня утром Парижская Коммуна постановила передать на монетный двор для превращения в республиканские монеты все еще находящиеся в па-

рижских церквах ценности. Парижский департамент, одобрав эту меру, распространил ее на территорию всего департамента».

Следующий оратор, также не названный по фамилии, подтвердил, что «многие из окружающих Париж коммун уже выполнили это предписание и что скоро во всем департаменте не останется ни одного из этих знаков нашего бывшего безумия».

Вслед за этим в якобинский клуб явилась делегация центрального клуба народных обществ и заявила, что клуб, подобно секции Гравилье, требует прекращения содержания государством католического культа. Составленная в этом духе петиция говорили делегаты, будет представлена Конвенту уже в завтрашний день.

Само собой разумеется, что обозначившееся, таким образом, эти дни явно благоприятное отношение большинства Конвента и якобинского клуба к антихристианским устремлениям эбертистов, должно было толкнуть этих последних на решительное движение вперед. Вот почему в то самое время, когда эбертисты пытались добиться поддержания якобинских клубов их петиции Конвенту о прекращении поддержания государством католического культа, по улицам Парижа двигалась процессия, согласно постановления Коммуны, переносившая на монетный двор раку с мощами св. Женевьевы, покровительницы Парижа. И в это же самое время знаменитый Анахарзис и видный сторонник эбертистов Переира направились к парижскому епископу Гобелю и стали его убеждать заявить на следующий же день об отречении от своего сана.

Все дошедшие до нас сведения рисуют нам Гобеля, первого «конституционного» епископа Парижа, как слабовольного, но доблестного человека, хотя и религиозного, но вместе с тем повидимому искренне преданного революции. Есть данные, позволяющие предполагать, что он уже давно был связан с эбертистами, и поэтому поздний визит Клоотца и Переира не мог его, очевидно, особенно удивить. Что касается до содержания имевшей при этом визите место беседы, то сам Гобель, представ весной 1794 г. перед революционным трибуналом, излагал его следующим образом:

«Клоотц и Переира явились ко мне в 11 часов вечера (16 брюмера. Я. М.), когда я уже спал. Мне сообщили, что пришли государственные должностные лица, имеющие сообщить мне важные вещи. Я поднимаюсь, принимаю их. Они мне говорят, что настало время принести себя в жертву общественному делу, что оно требует моего ухода с епископского поста. Получив предложение сложить с себя сан, я отвечаю, что не нахожу, чтобы моя религия в чем либо заблуждалась, что мне не от чего отрекаться и что я намерен твердо ее держаться. — Но, возражают мне, речь не идет сейчас о том, обоснованы или нет ваши религиозные убеждения; вопрос только в оставлении вами должности епископа. — В таком случае, я охотно соглашаюсь на ваше требование. Народ меня призвал, народ меня отзывает: такова участь слуги — повиноваться с просьбой о моей отставке, дать мне время для совещания с епископальным советом и я обещаю поступить так, как решит большинство».

Заседание этого совета состоялось утром 17 брюмера (7 ноября). «Согласно решению этого совета, — продолжал Гобель

свой рассказ в революционном трибунале,—составленного из 17 человек, из коих 14 высказались за и 3—против, я являюсь в департамент, где я нахожу комиссаров Моморо и Шометта и посланцев из Ниевры. После речи Моморо, бывшего председателем депутатии и говорившего от ее имени, я отвечаю ему речью, в которой излагаю свои убеждения и об'ясняю руководившие моим поступком мотивы. После этого я об'являю о своей отставке».

Вслед за этим был выработан план церемонии, долженствовавшей иметь место в тот же день в Конвенте в связи с отречением Гобеля.

В начале конвентского заседания 17 брюмера, кроме ставших уже обычными сообщений о присылке церковных ценностей (в этот день такие сообщения были получены от конвентских комиссаров Фуше и Кутюрье), было зачитано письмо некоего священника Парана, в котором говорилось:

«Я посыпаю вам это письмо, чтобы просить вас установить достаточную пенсию для епископов, кюре и викариев, бедных и не имеющих иных средств существования, но вместе с тем достаточно честных, чтобы не желать более обманывать народ, которому необходимо наконец заявить, что нет другой истинной религии, кроме религии естественной, и что все басни, фокусы и обряды, которые известны под названием религии, на самом деле являются лишь сказкам, подобными сказке о Синей Бороде».

Письмо Парана вызвало гневную отповедь Сержана, заявившего, что не верит в искренность священника, «который вчера еще по его словам добросовестно заблуждался, а сегодня вдруг прозрел». Но взявший слово после Сержана Леонар Бурдон «заметил предыдущему оратору, что заблуждение, в котором находились священники, у большинства из них является следствием предрассудков, среди которых они росли с самого рождения. Если же они ныне прозревают, то это результат выявившегося общественного мнения». В силу этого Бурдон требовал удовлетворения ходатайства Парана о сохранении за ним его жалования в качестве пенсии. Следующий оратор, Тюрьо, приветствовал ширящиеся с каждым днем успехи «разума и философии», критиковал однако предложение Парана из финансовых соображений и требовал его передачи на рассмотрение финансового комитета. Конвент с этим согласился и эта передача была декретирована.

Пока происходили изложенные прения, председатель Конвента — Лалуа — получил письмо от парижских установленных властей, в котором содержалось ходатайство с допущении в залу, как их представителей, так и Гобеля и его «бывшего духовенства, явившихся по своему собственному побуждению представитель яркое и искреннее подношение разуму и вечной справедливости». Делегация была тут же допущена и ее председатель, эбертист Моморо, произнес следующую речь:

«Граждане законодатели,

«Парижский епископ и несколько других священников, расположенный на них суеверием. Мы не сомневаемся, что этот велиководимые разумом, явились к вам, чтобы снять с себя сан, накий почин вызовет подражание их коллег. Таким образом, авторы фанатизма превратятся в его разрушителей; таким обра-

зом, в скором времени Французская Республика не будет знать иного культа, кроме культа свободы, равенства и истины, — культа, почертнувшего у самой природы; культа, который, благодаря вам, получит скоро распространение во всем мире».

Затем слово взял Гобель. Указав прежде всего на свое плебейское происхождение и на свою демократическую деятельность как в качестве депутата, так и на посту епископа, он затем продолжал:

«Ныне, когда революция приближается быстрыми шагами к благополучному концу, ибо она сводит все явления к единому политическому центру; ныне, когда не должно существовать общественного и национального культа, кроме культа свободы и святого равенства, ибо так хочет суверен,— я, верный своим принципам, подчиняясь, его воле и громогласно об'являю вам, что с сегодняшнего дня я отказываюсь от выполнения своих функций служителя католического культа. Точно также поступают и присутствующие здесь мои викарии, которые, подобно мне, отказываются от своих должностей. Да послужит же этот пример для укрепления царства свободы и равенства! Да здравствует Республика!»

Выступление Гобеля произвело на Конвент потрясающее впечатление. «Крик: Да здравствует Республика», — гласит отчет о заседании 17 брюмера, — «многократно повторяется всеми присутствующими и членами Конвента. Раздаются долго не смолкающие аплодисменты».

После Гобеля выступил Шометт. «День, когда разум снова завоевал подобающее ему место, — говорил он, — заслуживает быть занесенным в число самых блестящих дней Французской революции. Я прошу, что Конвент поручил своему комитету народного образования дать в новом календаре место дню Разума».

После того, как предложение Шометта было принято Конвентом, Лалуа произнес ответную речь, в которой подчеркивал, что Гобель и его коллеги, пользуясь гарантированной конституцией свободой культов, «просвещенные разумом и попирая старые предрассудки, поднялись на ту ступень революции, на которой находится философия. Граждане,—продолжал он,—вы тем самым сделали великий шаг по пути к общему счастью...

«...Выносите с собой на алтарь отечества те готические ящики, что легковерие наших предков посвятило суеверию¹⁾; вы отрекаетесь от обмана, слишком долго распространявшегося в среде лучшего из народов.... Не будем скрывать от себя, граждане, что все эти погремушки оскорбляли Верховное Существо, ст имени которого они поддерживались; они не могли служить его культу, потому что культ этот не нуждается ни в чем, кроме осуществления общественных и нравственных добродетелей. Такова его религия. Она не хочет иного культа, кроме культа Разума; она не предписывает нам иного культа, и отныне она и будет нашей национальной религией.

¹⁾ Гобель и сопровождавшие его викарии явились в Конвент в своем церковном облачении и принесли с собой всевозможные предметы церковной утвари.

«Национальный Конвент принимает ваши подношения, ощущающие в вас чувства и приглашает вас присутствовать на его заседании (Курсив наш—Я. М.).

За речью Лалуа последовала сцена, которую отчет о заседании Конвента описывает в следующих выражениях: «Находящиеся у решетки граждане восторженно принимаются народными представителями. Раздаются возгласы: Да здравствует Республика! Гобель возлагает на алтарь отечества свой крест и свое кольцо; Дену, его первый викарий, возлагает три медали с изображением бывшего короля.

«Многие депутаты требуют, чтобы председатель облобызал парижского епископа».

«Председатель замечает, что после его отречения, парижский епископ стал разумным существом. «Но, — говорит он, — я облобызаю Гобеля». (Аплодисменты).

«Бывший епископ, с колпаком свободы на голове, и сопровождаемый Шометтом, получает, среди восторженных криков народа, поцелуй председателя».

Закончившийся таким образом прием Гобеля и его товарищей не означал, еще, однако, конца этого знаменательного заседания. Примеру Гобеля последователи многие духовные лица — члены Конвента, тут же заявившие о сложении своего сана. Так поступили монтаньяр Купэ из Уазы, конституционный епископ и видный монтаньяр Тома Линде, протестантский пастор, дантонист Жюльен из Тулузы, бывший епископ Гэ-Вернен, кюре Валлер, бывший епископский викарий Гомэр.

Иначе поступил блуасский епископ Грекуар. «Я только что пришел, — заявил он, — в собрание и узнал об отречении нескольких епископов. Если речь идет об отречении от фанатизма, то это не может меня касаться, так как я с ним всегда боролся. Доказательством этого являются мои писания, проникнутые к коротям и к суеверию. Если же речь идет об отречении от обязанностей епископа, то я принял их в тяжелое время, и согласен отказаться от них по первому требованию.

В ответ на это заявление раздались возгласы: «мы не хотим никого насиливать», а Тюро посоветовал Грекуару «справиться со своей совестью, чтобы узнать полезно ли суеверие для успехов свободы и равенства. Разве не суеверие породило деспотизм?»

После этого инцидента, Тома Линде высказал пожелание о замене церковных праздников гражданскими, а Жюльен из Тулузы сообщил, что у Шенье готов по этому поводу доклад и просил ускорить его заслушание. Предложение это было принято.

В заседаниях Конвента 18 и 19 брюмера продолжали поступать как сообщения с подношении церковных ценностей, так и заявления священников об отречении от своего сана. Некий Полль, Роллан, кюре прихода Бинос у самой испанской границы, сообщая о своем отречении, писал: «Законодатели, я обязан заявить о своем раскаянии и публично изложить свое исповедание. Довольно щадить предрассудки!

«Я считаю, что нет ни одной страны, где бы религия соответствовала истине. Я считаю, что все религии являются дочерьми подлости и невежества».

«Я считаю, что только расчет сделал их священными и что

повсюду властители пользовались религиями для укрепления своего могущества».

«Я считаю, что суеверие было всегда делом поголовьем»...

Наряду с сообщениями об отречении рядовых священников, продолжалось равным образом и отречение священников — депутатов. 18 брюмера об этом заявили мертвский епископ Лаланд, священник Сеген и протестантский пастор Ломбар-Лашо; 19 брюмера еще раз подтвердил свое отречение бывший капуцин и епископский викарий Шабо.

Наряду с Конвентом, сообщения об отречении священников поступали в Парижскую Коммуну и поэтому эта последняя еще 17 брюмера постановила «открыть список, в который будут вноситься заявления граждан, желающих отречься от духовного сана. Этот список будет открыт для служителей всех культов».

Чем были вызваны все эти отречения? Вероятно, что многие из них были следствием создавшегося в эти дни общественного настроения, настроения, в немалой степени обязанного своим существованием исключительно сильной антихристианской агитации, развитой в эти дни как эбертистами, так и дантонистами. Примером этой агитации может послужить деятельность Тюро в парижской секции Тюльери.

Вот что рассказывала об этой деятельности делегация народного общества секции Тюльери, явившаяся в заседании Конвента 18 брюмера:

«...Никто лучше, нежели этот монтаньяр (т.-е. Тюро. Я. М.) не мог дать обществу точного рассказа о знаменательной декларации парижского епископа и его апостолов; никто, лучше чем он, не мог в энергичных выражениях обяснять благородительные последствия, которые должен иметь этот акт мудрости и патриотизма. Поэтому общество, как бы наэлектризованное речью Тюро, заслушав в самом почтительном молчании его рассказ и явившиеся его продолжением глубокие истины, точно по внутреннему велению, поднялось и огласил зал криками восторга и возгласами: «Да здравствует Республика!»

Но если таким образом вполне возможно, что некоторая часть отречений носила до известной степени искренний характер и отражала общее настроение момента, то с другой стороны не может быть никакого сомнения в том, что большинство отрекающихся от своего сана церковников действовали лишь из ходового расчета и надеялись таким путем укрепить свое положение. Чрезвычайно характерно, что многие из заявлявших о своем раскаянии попов ходатайствовали вместе с тем о сохранении за ними их прежнего жалования в качестве пенсии¹⁾ и поэтому те самые эбертисты, которые с таким жаром громили «религиозный обман», имели все основания не слишком доверять результатам своей пропаганды. И действительно, выступая 19 брюмера в якобинском клубе, Леонар Бурден говорил:

Знаете ли вы, что делают священников столь покорными? Сейчас происходит организация национального образования и попы прилагают все усилия, чтобы получить от этого какуюнибудь выгоду. Но они ошибаются! Уже не им то во всяком слу-

¹⁾ Так, наряду с ранее упоминавшимся Параном, об этом просил также столь красноречиво описывавший обманщиков Роллан.

чае поручим мы воспитание наших детей. Человек, соглавший своей совестью, произнося ложный обет, недостоин воспитывать республиканцев. Сегодня один из этих людей произнес в Конвенте красивую и энергичную речь, но он в конце концов раскрыл свою истинную физиономию, заявив, что его последняя месса была совершена неделю тому назад. А между тем человек, еще неделю тому назад совершающий мессу, не может быть настоящим республиканцем!»¹⁾.

Леонар Бурдон не был одинок в своих сомнениях. Отчет о заседании Парижской Коммуны 18 брюмера рассказывая об отречении ряда священников, добавляет: «Многие члены Коммуны не доверяют, однако, этим отречениям и этому раскаянию».

Не доверяя, таким образом, отрекавшимся от своего сана священникам, эбертисты, а равно и дантонисты, на этом основании ни в какой мере не помышляли конечно о свергывании своей дехристианизаторской пропаганды. Торжественным завершением этой пропаганды должен был явиться так называемый «Праздник Разума», устроенный как бы в ознаменование официального установления того «Культа Разума», о котором, как о единственном, существующем отныне существовать, говорил 17 брюмера председатель Конвента Лалуа. Вот почему, еще 17 брюмера, сразу же после отречения Гобеля, дантонистский департамент и эбертистская Коммуна в трогательном единодушии постановили, что «праздник, имеющий быть в будущее декады для ознаменования успехов борьбы с фанатизмом, будет совершен в здании, ранее называвшемся кафедральным собором, в котором будет воздвигнута статую Свободы». К истории этого праздника — так называемого Праздника Разума — мы сейчас и обратимся.

Праздник Разума начался утром 20 брюмера (10 ноября 1793 г.) в помещении собора Парижской Богоматери. Приводим описание этой части праздника, содержащееся в газете «Парижские Революции» и принадлежащее, повидимому, перу Моморо.

«В бывшем кафедральном соборе был воздвигнут храм простой но величественной постройки, на фасаде коего были написаны слова: философии. Вход в этот храм был украшен бюстами философов, наиболее содействовавших своим трудами возникновению нынешней революции. Священный храм был воздвигнут на вершине горы²⁾; посередине, на скале, горел светоч истины. В святилище присутствовали все установленные власти, кроме одной только вооруженной силы. Республиканский оркестр, находящийся у подножия горы, исполнил на французском языке гимн, который народ тем более хорошо понял, что он выражал лишь естественные истины, а не мистические и химерические славословия. Вот текст этого гимна³⁾:

«О, снизоди к нам, Свобода, дочь природы;
Народ вновь завоевал свои извечные права,

¹⁾ «La Societe des Jacobins», т. V, стр. 504.

²⁾ Как в этом, так и в других подобных ему празднествах, гора служила символом конвентской горы, т. е. монтаньярской партии.

³⁾ Он был написан Мари-Жозефом Шенье и переложен на музыку Госsecом.

На руинах некогда надменного изуверства
Его руки воздвигают снова твой алтарь!
Сюда, победители королей, Европа взирает на вас;
Сюда, свергайте также победно и лживых богов;
О, святыя Свобода, вступи под своды этого храма,
Будь богиней французов!».

«Во время этой величественной музыки, два ряда молодых девушек, одетых в белое и с дубовыми венками на головах, спустились с горы с факелами в руках, прошли вокруг горы и снова поднялись на нее. Свобода, олицетворенная красивой женщиной¹⁾, выходит в это время из храма философии и вossaедает на обвитом зеленью кресле, принимая знаки почтения республиканцев и республиканок, затягивающих в ее честь гимн и простирающих к ней свои руки. Затем Свобода сходит со своего сидения и возвращается в храм, по пути оборачиваясь несколько раз назад, чтобы еще раз поблагодарить взглядом своих поклонников. Как только она вошла в храм, овладевшая всеми присутствующими радость вылилась в восторженные песнопения и клятвы быть ей на веки верными».

Среди присутствующих на этой торжественной церемонии не было, однако, Национального Конвента. Приглашенный участвовать в торжестве почти одновременно с его началом, Конвент не дал прямого ответа на это приглашение и занялся очередными делами. А по окончании церемонии в соборе Богоматери, явившейся в Конвент Шометт заявил, что «народ только что совершил жертвоприношение Разуму в бывшем кафедральном соборе; он просит разрешения совершить новое — в святилище законов. Я предлагаю Конвенту, — продолжал Шометт, — разрешить народу вступить в его залу».

Предложение Шометта было принято. Для описания дальнейшего хода событий мы предоставляем слово отчету о конвенционном заседании 20 брюмера:

«Шествие открывается группой молодых музыкантов; за ними следуют молодые республиканцы, защитники отечества; они поют патриотический гимн, исполненный хором посреди сильнейших аплодисментов.

Значительная группа республиканцев с фригийскими колпаками на головах, проходит с возгласами: «Да здравствует Республика! Да здравствует Гора!». Народ и члены Конвента присоединяются к возгласам этих республиканцев.

«Неслыханное количество музыкантов оглашают зал излюбленными песнями Революции; шествие юных республиканок, одетых в белое, опоясанных трехцветными лентами и с венками из цветов на головах, предшествует и окружает Разум, олицетворенный столъ же прекрасной, как он сам, женщиной. На голове ее одет фригийский колпак, с плеч ее спускается синее одеяние, а в ее правой руке — пика, на которую она опирается. Она сидит на простом, но декорированном дубовыми гирляндами кресле, которое несут четверо граждан; ее величественный, но вместе с тем и грациозный вид внушиает уважение и любовь.

«Эти два чувства проявляются с величайшим энтузиазмом;

¹⁾ Как Свободу, так и других участников этой церемонии изображали артисты оперы.

вогласы «Да здравствует Республика» усиливаются; шляпы и колпаки летят в воздух; народ предается восторгам чистейшей радости.

«Богиню Разума помещают перед решеткой, напротив председателя. Прокурор Парижской Коммуны (Шометт — Я. М.) берет слово и произносит следующую речь:

«Вы видите, граждане-законодатели, что фанатизм оказался вынужденным отпустить свои жертвы. Он освободил свое место для разума, справедливости и истины; его подслеповатые глаза не могли выдержать яркого света и он обратился в бегство. Мы захватили покинутые им храмы и возродили их.

«Сегодня, весь парижский народ перенесся под готические своды, столь долго оглашавшиеся голосом заблуждения и ныне впервые услышавшие вогласы в честь свободы. Мы принесли там жертву свободе, равенству и природе и кричали «Да здравствует Гора! И Гора нас услышала, так как она должна была присоединиться к нам в храме Разума. Мы приносили наши жертвы не бесцветным изображениям и бездушным идолам; нет, для изображения Разума мы избрали совершеннейшее произведение природы и это священное изображение воспламенило все сердца. Со всех сторон раздавался один только крик, одно только пожелание; народ восклицал: долой священников, долой всех богов, кроме тех, что дает нам природа!

«Мы, народные магистраты, покорные воле народа, приносим это вышедшее из храма Разума пожелание в храм Закона, чтобы еще раз отпраздновать свободу. Мы просим вас, чтобы бывший кафедральный собор Парижа был посвящен Разуму и Свободе. Фанатизм оставил его и он захвачен теперь разумными существами; узаконите же их право собственности».

«Эта речь была покрыта аплодисментами.

«Председатель (Лалуа — Я. М.) ответил:

«Собрание с глубоким удовлетворением взирает на победу, которую разум одержал сегодня над суеверием и фанатизмом. Оно должно было отправиться в полном составе вместе с народом в храм, который вы только что посвятили богине, чтобы отпраздновать вместе с народом этот величественный и памятный праздник, но дела и крики победы (при Нуармутье. Я. М.) его задержали».

«Шабо обращает в предложение просьбу граждан Парижа, чтобы кафедральный собор превратился отныне в храм Разума.

Ромм вносит предложение, чтобы богиня Разума была посажена рядом с председателем.

«Прокурор Коммуны ведет ее к скамьям президиума.

«Председатель и секретари, посреди аплодисментов дают ей братский поцелуй.

Она садится рядом с председателем.

«Тюрьма предлагает, чтобы Национальный Конвент в полном составе отправился, окруженный народом, в храм Разума, чтобы пропеть там гимн свободе.

«Это предложение принимается.

«Конвент отправляется вместе с народом в храм Разума и шествует среди криков и проявлений всеобщей радости.

«Войдя в храм Разума, Конвент исполняет гимн Шенье, положенный на музыку Госsecом».

Одновременно с «Праздником Разума» в Париже, такие же праздники происходили и в провинции. Для примера ознакомимся с праздником, имевшим место в Нанси в тот же день, что и в Париже, т. е. 20 брюмера; описание его заимствуем из доклада конвентского комиссара Фора от 21 брюмера.

«Вчера, граждане — коллеги, здесь был означенован празднико второй декады. Народ и все установленные власти собрались в бывшем соборе. Председатели департамента и диктрикта сделали народу краткий отчет о своей работе. Затем с кафедры, бывшей до сегодняшнего дня кафедрой обмана, два присланных из Менса комиссара произнесли речи против религиозного обмана. Что касается до меня, то я с успехом использовал оружие насмешки.

«Вечером отправились на Грэвскую площадь и там, при криках одобрения толпы из более, чем четырех тысяч граждан, у подножия гильотины были сожжены все исповедальни. Таким образом, нансиийский народ является ныне наиболее разумным и наиболее энергичным, какой только есть в Республике.

«Праздник закончился в народном обществе сожжением священнического диплома одного женатого священника и булл всеплютейшего Святого Отца».

«Праздники Разума являются моментом наивысшего подъема всего дехристианизаторского движения осени 1793 г., за которым наступает его постепенные упадок и ликвидация. Но до того, как переходить к истории этой дальнейшей эволюции «культы Разума», уместно будет более подробно ознакомиться как с его сущностью, так и с положением католической церкви во время господства этого культа. К этому ознакомлению мы сейчас и перейдем.

II.

Первый вопрос, который надлежит поставить при ближайшем ознакомлении с культом Разума, это вопрос о том, можно ли рассматривать его, как проявление атеизма.

Среди массы устных и письменных выступлений, связанных с многочисленными торжествами, происходившими в честь Разума по всей почти Франции, были конечно и такие, которые носили открыто или скрыто — атеистический характер. Вот, например, что говорил уже известный нам Лекинио в речи, произнесенной им в Рошфоре 20 брюмера при торжестве превращения католической церкви в «Храм истины»:

«Нет, граждане, грядущей жизни не существует. Небесная музыка христиан и прекрасные гурии магометан; величественный образ Предвечного и могущество Юпитера, Тартар древних и ад новейших народов; наш рай и Елисейские поля греков, Сатана, Люцифер, Минос и Прозерпина — все это культуры, равно достойные презрения мыслящего человека...

«...От нас не останется ничего, кроме рассыпанных молекул, составлявших некогда наше тело, да памяти о нашей прошлой жизни» (Курсив наш — Я. М.)¹⁾.

¹⁾ Олар, «Культ Разума», стр. 97.

Если речь Лекинио является, само собой разумеется, открыто атеистической, то скрыто-атеистической может быть названа следующая речь, произнесенная неким Этиенном Барри при освящении «храма нравственности» в парижской секции Вильгельма Телля 30 брюмера:

«Мы не будем больше ломать копий из за Иеговы или Вала, из за религии Магомета, совершающего верхом на своей кобыле путешествие с земли на луну, или Иисуса, сына божия, который одновременно с этим оказывается еще и богом, и человеком, который родился в хлеве от смертной девственницы, без содействия ее мужа Иосифа. но при содействии святого духа, и который умер на кресте на глазах у всех и воскрес через три дня, но уже без свидетелей. Но не будем мешать тем, кому все это кажется ясным, разумным и убедительным; не станем отнимать от них этих маленьких радостей. Евреи, христиане, турки, теисты и политеисты, — пусть все верят и поклоняются на свой лад, лишь бы они не старались заставить нас подражать им, лишь бы они не нарушили общественного порядка и, главное, не требовали, чтобы те, кто не думает, как они, участвовали в расходах по оплате их культа, потому что несправедливо, чтобы в то время, как одни танцуют, другим приходилось оплачивать играющих им скрипачей.

«Что же касается до нас самих, то мы примем религию философов, Свободы, Равенства и Человечности. В ней заключена вся мораль, а мораль не нуждается ни в каком культе» (Курсив наш. Я. М.).

Если присоединить к этим речам уже известное нам постановление Фуше, в котором говорится, что «смерть есть вечный сон», то мы тем самым исчерпаем все известные нам связанные с культом Разума высказывания, носящие в той или иной мере атеистический характер. И, наоборот, огромное большинство порожденных этим культом и дошедших до нас речей, писаний и выступлений, должны быть признаны чисто деистическими, или, по меньшей мере пантеистическими.

Первое, что следует в этом отношении отметить, это то, что и сами творцы «культы Разума» отнюдь не были атеистами. Если к числу таковых должен быть, без всяких сомнений, отнесен Анахарзис Клоотц и, повидимому, также Фуше, то ведь достаточно хорошо известно, что их взгляды не пользовались в то время равнозначной популярностью, и инициаторами культа Разума были не столько они, сколько Эбер и Шометт. Не касаясь здесь сейчас религиозных воззрений Шометта, мы отметим лишь, что он отнюдь не был атеистом;¹⁾ что же касается до Эбера, то его религиозные взгляды могут быть лучше всего уяснены из относящихся к эпохе культа Разума номеров его газеты «Отец Дюшен». За несколько дней до 20 брюмера, Эбер в № 307 «Отца Дюшена» между прочим писал:

«Когда славный санкюлот Иисус появился, он проповедывал доброту, братство, свободу, равенство, презрение к богатству. Все

эти лгуны священники скоро почувствовали, что им подрезаны крылья и они впали в немилость. Правда, разбойники только посмеивались про себя; войдя в соглашение с судьями и с Капетом того времени, они заставили повесить бедного санкюлота Иисуса; но чтобы лучше преследовать его после смерти, они напялили на себя его шкуру, исказили его евангелие и его самого заставили прислуживать их шарлатанским фокусам. Они сделали бога из крови лучшего из якобинцев, какие только существовали под небесной скуфьей и его именем передушили половину человечества»¹⁾.

Таким образом, даже в пору максимальных успехов культа Разума, Эбер не только не доходит до атеизма, но и вообще не идет далее противопоставления современного христианства попов — учению «доброго санкюлота Иисуса». А когда, несколько времени спустя (речь об этом будет дальше), Робеспьер выскажался против дехристианизации и повел сильнейшую атаку против ее инициаторов, Эбер поспешил забить отбой и напрямик об'явил себя не атеистом, а деистом. Это было сделано в следующих строках № 347 «Отца Дюшена»:

«Если существо, которое нас создало, требует от нас культа, то один только культ Разума может быть ему приятен. Оно вложило, чорт побери, в наши души любовь к справедливости и ненависть к пороку. Его воля заключается, следовательно, в том, чтобы мы были, чорт побери, человечны, честны, и добродетельны, каким угодно способом. Так как только разум может научить нас нашим обязанностям и нашим правам, будем повиноваться только ему одному. Все остальное ложь и лицемерие. Итак, да здравствует истина и человечность! Ко всем чертям священников, которые умеют только лгать, сбивать с толку и убивать!».

Если таким образом сами инициаторы культа Разума ни в коем случае не могут быть рассматриваемы, как атеисты, то отнюдь не был атеистическим и самим этот культа в огромном большинстве его проявлений.

Из описания «праздника Разума» мы видим, что одним из основных лозунгов торжества 20 брюмера было: «никаких других богов, кроме тех, что даёт нам разум» и совершенно ясно, что лозунг этот означал не атеизм, а просто пантеизм, или даже прямой деизм. Тоже самое бросается в глаза при анализе других, второстепенных, праздников в честь Разума. Так например, при празднике, имевшем место 20 брюмера в церкви св. Лаврентия в Париже, распевались следующие куплеты, автором которых был Франсуа де Невшато:

«Нашим евангелием является природа,
А нашим культом — добродетель...
...Какие подношения Верховному Существу
Заслуживают особого прёдпочтения?
Те, которые достойны возлюбленного небом
народа» (Курсив наш — Я. М.).

А в церемонии, организованной 10 фримера актером Мон-

¹⁾ Деятельности и идеологии Шометта будет посвящена специальная работа, подготовляемая нами в настоящее время к печати.

²⁾ Олар, «Культ Разума», стр. 75.

велем в церкви Сен-Рок, этот последний, между прочим, говорил: «Если существует творец всего сущего, а противоположное мнение было бы крайне прискорбно» и т. д. И далее тот же Монвель произнес следующую чисто деистическую молитву:

«О ты, высшая мудрость, душа природы, или, быть может, сама природа, ты, которую человеческое невежество, человеческие страсти и предрассудки опутали непроницаемыми облаками, твое дыхание, наконец, начинает рассеивать их и ты благоволишь обнаружить перед нашими взорами.. бога, столь давно незвестного нам. Совершенное существо, которое стоит выше молитв, выше почестей, ты — истина, ты — добродетель, разум; ты свобода, равенство, ты все, что есть прекрасного в мире; совершенство — твоя сущность, и наши души, ставшие наконец достойными тебя, научились не бояться тебя лишь для того, чтобы больше тебя любить».

Таким же точно характером отличались и празднества в честь Разума, имевшие место в некоторых из парижских секций. Так, некий Бонтан, выступивший 1 фримера с речью на празднике, устроенном секцией Вильгельма Телля, закончил свое выступление хвалебным гимном «верховному разуму, душе природы, который может быть и есть сама природа». В таком же, примерно, духе, высказывались и в других секциях и цитированная нами выше речь Борри, в которой есть намеки на атеизм, является единственным известным нам исключением из этого общего правила.

Совершенно тоже самое происходило и в провинции. Не вдаваясь на этот счет в излишние подробности, укажем, как например, на то, что во время уже описанного нами праздника в Нанси 20 брюмера, конвентский комиссар монтаньяр Фор произнес следующую речь:

«В республике нет более евреев, протестантов, анабаптистов, или католиков. Есть только республиканцы»...

«...Чтобы сдержать священный обет жить и умереть свободными, столько раз повторенный вами, и чтобы удержать драгоценную свободу, нам нужен только один единственный культ; культ, который мы совершаем сегодня в честь В ы с ш е г о Существа Нам нужен культ свободы, и одну только свободу должны мы богоизбрать. Между всеми детьми великой семьи должны существовать единение, братство, дружба, благожелательность. Если некоторые из вас все еще одержимы старыми заблуждениями, пусть они остаются при своих взглядах, как бы ошибочны они не были; никто из их братьев не станет ставить им этого в вину. Но справедливость требует, чтобы они предоставили и другим ту же самую свободу. Разница во мнениях по поводу лучшего способа почитания Верховного Существа не может разделить братьев» (Курсив наш—Я. М.).

Таким образом можно считать установленным, что за очень немногими исключениями, все связанные с культом Разума церемонии и выступления отдельных лиц и организаций носили не атеистический, а лишь деистический, или, по меньшей мере, пантегистический характер. И обстоятельство это было, конечно, далеко не случайным. Нам уже приходилось говорить, что из всех классов капиталистического общества, настроенным атеистически

как класс, может быть один только пролетариат. Но поскольку рабочий класс эпохи Великой Французской Революции еще только зарождался и был типичным «классом в себе», — ясно, что об атеизме этого рабочего класса речи быть конечно не могло. Что же касается до мелкой буржуазии, то достаточно хорошо известно, что даже ее наиболее революционные прослойки не в состоянии отказаться от религии целиком и без остатка. Вот почему атеисты, подобные Анахарзису Клоотцу и немногим другим, являлись в эпоху Французской Революции не более, чем исключением и одночками; что же касается до таких влиятельных течений в низах тогдашней мелкой буржуазии, как эбертисты и шометтисты, то они были настроены не антирелигиозно, а лишь антихристиански. Именно поэтому, как мы уже отмечали, в отношении эпохи Великой Французской Революции, говоря о «перерастании борьбы с духовенством в борьбу с религией, приходится иметь в виду не религию вообще, а только религию христианскую, и мы уже подчеркивали, что употребляем это выражение именно в этом условном смысле.

Но если таким образом задачей эбертистов и шометтистов являлась борьба не столько с религией вообще, сколько с христианством и, в частности, с католицизмом, то задача эта крайне затруднялась тем пониманием корней религиозного дурмана, которое существовало среди мелкой буржуазии того времени. Подобно огромному большинству «просветителей», Эбер и Шометт не видели и не могли видеть подлинных причин религиозности широких народных масс и сводили все дело к одному только обману и мошенничеству попов.

«Первым жрецом, писал Эбер в своей газете «Отец Дюшен», — был пролаза, несколько похитрее, чем остальные дикари, среди которых он жил. Он заметил, что, когда погода собирается перемениться, его кошка чешется, или его осел придет ушами. Гордясь этим открытием, он использовал его для того, чтобы обманывать и надувать других, рассказывая им, что «предвечный отец» или даже дьявол шепнул ему на ухо, что скоро пойдет дождь, или наступит хорошая погода. И, как известно, всегда лиха беда начать. Раз отыскав дураков, обманщик стал изобретать другие глупости, чтобы водить за нос простаков».

Само собой разумеется, что при таком понимании корней религиозного дурмана, начатая эбертистами и шометтистами, которых, как мы знаем, поддерживали также и дантонисты, антихристианская пропаганда не могла дать никаких серьезных результатов и была осуждена на неизбежный провал.

Совершено не понимая подлинных корней религиозного сознания, инициаторы культа Разума неизбежно должны были направить всю свою борьбу лишь в сторону национального искоренение католицизма, а это само собой разумеется, могло дать одни только результаты, диаметрально противоположные тем, к которым при этом стремились. Мы скоро увидим, что оно в действительности так и случилось.

Само собой разумеется, что деистический характер культа Разума должен был вызвать сильное недовольство у всех немногочисленных действительных атеистов того времени. Примером этого недовольства могут послужить статьи Салавилля, напечатанные

танные в газете «Парижские и литературные анналы». 23 брюмера, оценивая «праздник Разума», Салавилль писал:

«Быть может, чтобы облегчить переход от заблуждений к истине, нужно на первое время, идя навстречу укоренившимся привычкам, создать нечто вроде мимолетного культа одухотворенных моральных ценностей, взамен культа непорочной девы, угодников, угодниц, святителей и святительниц старого календаря. Но если мы действительно задаемся целью привести народ к культу Разума, то меньше всего потворствуя его склонности к реализации абстракций, к олицетворению моральных понятий, мы должны во что бы то ни стало излечить его от этой мании, которая является главной причиной человеческих заблуждений. Надо, чтобы метафизические идеи Локка и Кондильяка сделались всеобщими, чтобы народ привык видеть в статуе только камень, и в образе — разрисованное красками полотно; в противном случае я не удивляюсь, если среди нас воцарится нечто, вроде политеизма, если скоро будут воздвигнуты храмы всем человеческим добродетелям, и они будут иметь свой культ, свои церемонии, свои особые праздники: а в результате, воздав добродетелям почести на праздниках, люди сочтут возможным не практиковать их в жизни» (Курсив наш. Я. М.).

Еще рече статья Салавилля, посвященная установленной Парижской Коммуной церемонии похорон:

«Отказываясь от церквей, пришлось открыть храмы Разума и в силу какой то странной непоследовательности, в момент признания абсурдными религиозных культов, захотелось непременно отыскать что нибудь похожее на них в наших гражданских установлениях.

«Один из членов Коммуны сделал доклад о похоронах, в котором он не забыл упомянуть о некоем подобии церемониала; он потребовал также устройства празднества в память душ умерших, как бы подчеркивая необходимость торжественного уковечения смерти. Ясно, что все это исходит из того же представления о важности этого последнего акта человеческой жизни, которое, не без всяких для того оснований, старались придать ему священники». (Курсив наш—Я. М.).

Антихристианский характер культа Разума должен был прежде всего, конечно, отразиться на положении священников, которые рассматривались в то время не только как служители религиозного культа, но прежде всего, как творцы всех религий и, вместе с тем, как сознательные шарлатаны и обманщики. Вот почему инициаторы культа Разума изо всех сил старались увеличить количество отрекавшихся от своего сана священников и мы действительно видим, что многие конвентские комиссары в своих донесениях Конвенту и Комитету Общественного Спасения усиленно хвалились своими успехами в этом отношении.

Так, уже известный нам Андрэ Дюмон, сообщая в своем донесении Конвенту от 24 брюмера (14 ноября) о значительном числе отрекающихся от своего сана священников, продолжает:

«Я все время поздравляю себя с тем, что именно я первый, три месяца тому назад, разорвал покрывало и принудил в Монт-

рейле двух мошенников заявить, что они со своими черными одеяниями являлись до сих пор ничем иным, как арлекинами или пьею, забивающими людям голову для того, чтобы жить на их счет... Теперь разгром (церкви Я. М.) стал всеобщим и мы скоро сможем воскликнуть: Нет более священников и много республиканцев!»

С таким же точно торжеством, как и Андрэ Дюмон, уже цитированные нами Леньело и Лекинио в своем донесении Конвенту от 25 брюмера сообщают, что они со специальным курьером отправляют из Рошфора в Париж целый пакет писем священников, сообщающих в муниципалитет о своем отречении. А знаменитый Карье 27 брюмера пишет Комитету Общественного Спасения из Нанта:

«Пропаганда Разума, просвещая и электризуя все умы, поднимает их до уровня революции. Предрассудки, суеверие, фанатизм — все это рассеивается перед светочем философии. Мине, бывший епископ, а ныне председатель департамента, в произнесенной им красноречивой речи обрушился на заблуждения и обманы духовенства и отрекся от своего духовного сана; последовавшие его примеру пять кюре точно также отдали эту дань разуму».

Не ограничиваясь всяческим побуждением церковников к отречению от своего сана, конвентские комиссары, также как и представители местных государственных и общественных организаций, принуждали нежелающих сложить свои полномочия священников ко вступлению в брак, что должно было тем самым повести их к разрыву с каноническими нормами католической церкви. Так, еще в двадцатых числах сентября, Фуше издал в Невере распоряжение, в котором, исходя из того, что «пора, чтобы эта гордая каста, возвратившись к чистоте принципов ранней церкви, вернулась бы в класс граждан и отказалось бы от жизни, противной голосу природы и предрасполагающей к разложению нравов», предписывал «всем служителям культа и другим оплачиваемым нацией священникам вступить в течение месячного срока в брак или усыновить ребенка». А конвентский комиссар Кутюрье в своем донесении Комитету Общественного Спасения от 25 брюмера писал из Этампа:

«Пора, чтобы народ был счастлив, — это единственное средство укрепить Республику. Упадок чудовищного царства съянников является крупным шагом в этом отношении и шаг этот можно рассматривать, как уже совершившийся, ибо большинство здешних священников либо вступают в брак, либо сообщают мне об оставлении профессии священника».

По стопам конвентских комиссаров пошел и сам Национальный Конвент, в своем заседании 30 брюмера принявший, по предложению комитета законодательства, следующий декрет, означавший целый переворот в действующем законодательстве и в частности в уже известном нам законе 30 вандемьера о католических священниках:

«Ст. 1. Служитель католического культа, находящиеся в настоящее время в браке или те, кто до издания настоящего декрета

¹⁾ Mâdelin, «Fouché», т. I, стр. 101.

заключили равнозначущие условие о своем вступлении в брак, а также и те, кто смогут доказать, что уже состоялось оглашение об их браке, не подлежат высылке или интернированию.

«Ст. 2. Однако, в случае поступления доноса об их неблагонадежности, они могут быть наказаны согласно закону 30 вандемьера».

«Ст. 3. Донос не может быть признан достойным доверия, если он не подписан тремя гражданами, благонадежность которых будет заверена народным обществом или установленными властями». (Курсив наш — Я. М.).

Таким образом, согласно закона 30 брюмера, даже неприсяжные священники, если они только вступили до этого времени в брак или намеревались вступить в таковой, могли подвергнуться изгнанию или интернированию только в случае поступления доноса касательно их неблагонадежности. Вот до чего доходило в эпоху культа Разума стремление к понуждению священников к разрыву с предписаниями канонического права! Что же касается до тех церковников, которые не желали отречься от своего сана или вступить в брак, то в отношении их в целом ряде мест применялся террор, далеко не всегда считавшийся с предписаниями действующего законодательства о положении духовенства. Вот что сообщает, например, конвентский комиссар Ру-Фазильяк в своем донесении Конвенту из Периге от 23 брюмера:

«Интриганы и священники охладили на некоторое время патриотизм граждан этого департамента вообще и коммуны Периге в особенности. Но эти люди, опасные даже, когда они интернированы, переведены теперь в другие департаменты и термометр патриотизма поднялся до своей прежней точки».

В донесении Ру-Фазильяка дело идет всего на **всего о высылке священников**. Но, само собой разумеется, что в областях, непосредственно граничащих с театром гражданской войны, где, в силу этого, положение вещей было несравненно более напряженным, приходилось зачастую прибегать к куда более решительным методам воздействия. Примером этого может служить деятельность Карье в Нанте.

Тerrorистическая программа Карье в отношении контрреволюционеров вообще и церковников в частности была чрезвычайно четко формулирована в его донесении Комитету Общественного Спасения от 22 брюмера. Приводим важнейшее место из этого донесения:

«Храбрые коллеги, революция движется гигантскими шагами; предрассудки, фанатизмы, все рушится **ныне** перед непобедимой силой разума; светоч философии, озаряя все на своем пути, сжигает его врагов; Конвент пользуется величайшим доверием; обстоятельства благоприятны; революционный ветер дует с огромной силой. Пользуйтесь моментом; французский народ вручил вам троны его истинительности. Заставьте же их развернуться; низвергните их на все контр-революционные головы; будьте страшными, как страшен народ в своем гневе. Нужно, чтобы деспотизм свободы консолидировал ее основания. Ее первые благодеяния... должны быть почувствованы только патри-

отами; республиканская розга должна со всей силой безжалостно опуститься на всех людей, не желающих склонить свои гордые головы под игом равенства. Бейте же, бейте сильнее; убивайте и уничтожайте все предрассудки, время для этого наступило. Шансы революции подвержены большим колебаниям; великие меры спасли республику; они же пригодят ей прочное основание. Твердо проникнутый этими принципами, я практикую их с той республиканской твердостью, которая видит лишь образ терзаемой родины и смело скрепляет ее ключья. Я арестую и разоружаю всех подозрительных людей Нанта; все большие и жирные мерзавцы сидят здесь по тюрьмам. Я намерен принять дальнейшие меры, о которых я вас уведомлю; революционны ли они — сможете судить сами. Я обязуюсь не оставить здесь, по истечении нескольких дней, ни одного контр-революционера.

Как известно, практическим осуществлением этой программы Карье явился осуществленный им в Нанте массовый красный террор и, в частности, его знаменитые потопления, во время которых связанных контр-революционеров сажали в специальные баржи с отвинчивающимся дном итопили в Луаре. Эта же судьба постигла и многих контр-революционных церковников и в своем донесении Комитету Общественного Спасения от 27 брюмера, Карье, описывая случаи отречения священников **от их сана** продолжал:

«Событие иного порядка также содействовало уменьшению количества священников. 90 священников, известных под называнием неприсяжных, были посажены на судно на Луаре. Я только что узнал, и известие это вполне достоверно, что они все погибли в реке».

А в своем донесении Комитету Общественного Спасения от 16 фримера Карье сообщает, что «священники нашли свою могилу в Луаре. Та же самая судьба ожидает 53 других».

Рассмотрев положение в эпоху культа Разума католического духовенства, мы должны теперь обратиться к положению самого католического культа, как такого. Само собой разумеется, что признание всякого религиозного культа результатом одного только голого поповского обмана должно было иметь своим естественным следствием стремление к полному упразднению христианства вообще и, в первую очередь, конечно, католичества и замене их культом Разума. Мы видели уже, что именно с этой целью устраивались церемонии, правильно учитывавшие склонность отсталых масс ко всяким внешним оказательствам и пытавшиеся поэтому создать нечто вроде особого церемониала культа Разума; к этой же цели было направлено и широко развившееся в это время почитание памяти трех «мучеников свободы», т.-е. Марата, Шалье и Лепелльетье. Типичный пример этого почитания дает нам уже частично цитированное донесение Ру-Фазильяка от 23 брюмера:

«Пусть культ свободы, которая отнюдь не является вымышленным божеством, поскорее заменит повсюду, и даже в храмах, пустые и смешные церемонии, которые разыгрывались там столь долгое время. Пусть Марат и Лепелльетье будут впредь святыми, к которым мы будем взвывать».

«В первый день текущей декады, в бывшем соборе этой коммуны в честь этих двух мучеников свободы было совершенно

празднество, простое и величественное. Единственный его декорацией была утесистая гора. Лепелльетье и Марат карабкались на нее, чтобы увенчать свободу, и остановленные в своем движении, пали под ножом убийц. Молодой оратор, который несомненно будет в будущем блистать на трибунах законодательного собрания, достойным образом воздал хвалу этим двум великим людям и торжество закончилось иллюминацией, получившейся от сожженной массы феодальных грамот, превращенных таким образом в кучи пепла. Вокруг этого нового аутодафе танцевали, с пением гимна свободе, местные власти и депутаты народных обществ всего департамента. Подобные празднества в один день создают под'ем общественного духа на продолжительное время»

О таком же празднике в Нанте сообщает Карье в своем доносении Конвенту от 1 фримера:

«Граждане — коллеги,

«Разум торжествует и предрассудки исчезают. Последняя декада брюмера была отпразднована в Нанте с той трогательной простотой и вместе с тем, с тем великим энтузиазмом, которые внушаются любовью к свободе».

«Шествие открывалось ветеранами, несшими связку пик; за ними следовали группы женщин, стариков и детей. Дальше следовали санкюлоты, несшие Декларацию прав человека; их сопровождали оркестр, исполнявший воинственные и национальные вещи. Несколько женщин держали в руках рога изобилия, а окружавшие их дети как будто бы получали их дары. Картина эта представляла простое, но вместе с тем трогательное зрелище.

«Вслед за ними двигалась соха, на которой сидел старец, державший в руках колосья ржи; у ног его примостились маленькие санкюлоты. Они попирали ногами цепи былых обманов и символы дворянства, фанатизма и аристократии; другие дети несли вокруг сохи орудия земледелия».

«Старец держал в руках конец трехцветной ленты, связывавшей председателей всех административных органов, а равно и народного общества Венсан-ла-Монтани; консул союзного народа, один из наших англо-американских братьев, нес другой конец ленты. Эта процессия следовала рядом с сохой и позади нее.

Непосредственно позади щел сельский муниципальный чиновник, несший бюст Марата; его окружала значительная толпа. Таким же образом несли бюст Лепелльетье.

Дальше следовала группа, изображавшая разрушение фанатизма. В этой группе санкюлоты несли вверх ногами изображения епископов, мадонн и святых различных цветов; другие граждане несли факелы, которыми они должны были поджечь эти изображения.

«Член администрации, держа под руки санкюлота — офицера и санкюлота — солдата, изображал единение всех степеней и рангов. Кроме того, небольшие группы народа, несли под барабанный бой повернутые вниз головами изображения святых. Шествие замыкалось толпами народа.

«Дойдя до колонны свободы, санкюлоты окружили ее со всех сторон и под звуки национальной музыки затянули гимн в честь свободы.

«Дойдя до площади департамента, на которой был приготовлен костер, старец, окруженный детьми, спустился с сохи и

поджег это новое аутодафе, в которое санкюлоты с восторгом бросали святых, епископов, мадонн и весь бумажный хлам старого режима.

«В то время, пока огонь пожирал эти атрибуты тирании, народ окружил возведенную вокруг костра гору. У подножия этой горы находилось грязное болото, которое республиканцы попирали ногами. На эту гору были возложены все принесенные процессией символы Революции; особенно привлекали внимание народа находившееся на одной стороне горы изображение убийства Марата, а на другой — изображение смерти Лепелльетье. Председатели народного общества и департамента произнесли речи, посвященные памяти Марата. Утреннее празднество закончилось всеобщей карманьолой».

Но само собой разумеется, что эти и подобные им празднества, расчитанные на удовлетворение склонности широких народных масс к пышным церемониям и облегчение таким образом разрыва этих масс с традиционным католицизмом, могли рассчитывать на успех только в случае одновременной борьбы с этим последним. Однако, совершенно не понимая, как мы уже видели, подлинных корней религиозного дурмана и сводя все дело исключительно только к шарлатанству попов, инициаторы культа Разума в своей борьбе с католицизмом неизбежно должны были прибегать почти что к одному только голому насилию. Вот почему мы видим, что одновременно с пропагандой словом и делом культа Разума, инициаторы и сторонники этого культа широко прибегают к ограничениям католического культа, доходящим иногда до его полного запрещения. К анализу явлений этого порядка мы сейчас и обратимся.

Мы уже знаем знаменитое постановление Фуше от 10 октября. Постановление это получило вскоре широчайший отклик и по примеру Фуше конвентские комиссары Кутон, Альбитт и некоторые другие запретили участие духовенства в церемонии похорон. Еще дальше пошли конвентские комиссары Кавеньяк и Дартигоэйт, которые писали Конвенту 19 брюмера из Оша:

«Граждане-коллеги,

«В религии, также как и в политике, на земле не должно быть больше обманутых. Для того, чтобы достигнуть этой благодетельной цели, мы, всюду куда не приводило нас исполнение возложенных на нас обязательств, неизменно разрывали покров обмана. Фанатизм находится при последнем изыхании; постановление Фуше принимается повсюду с энтузиазмом; многие муниципалитеты уже выполнили таковое и мы сами предписали его исполнение, добавив к нему несколько новых пунктов. Посылаем вам экземпляр нашего распоряжения по этому поводу».

Приводим важнейшие места из распоряжения Кавеньяка и Дартигоэйта:

«Свобода, равенство.

«Именем французского народа,

«Представители народа в департаменте Жер и других седых местностях, ознакомившись с постановлением их коллеги Фуше относительно внешних обрядов религиозных культов, изданным в Невере 19 числа первого месяца...

«...Принимая во внимание, что постановление Фуше основа-

но на великих принципах республиканизма и всемирной морали;

«Постановляют:

«1. Означенное постановление вводится в действие в пределах департаментов Жер, Ланд, Верхних и Нижних Пиренеев. Оно подлежит исполнению во всех своих пунктах.

«2. Административным учреждениям поручается определить все способы осуществления этого постановления, а равно и издать распоряжение относительно пользования колоколами во время гражданских торжеств и церемоний.

«3. Наблюдательным комитетам предоставляется право брать под стражу и лишать свободы до заключения мира, как подозрительных, служителей всех культов, а также тех граждан и гражданок, которые фанатическими или контр-революционными речами или действиями будут каким бы то ни было способом противиться осуществлению мудрых и философских целей, заключающихся в означенном постановлении нашего коллеги Фуше.

«4. В последний день каждой декады, в час, назначенный административной властью, колокол, если таковой еще существует, возвестит о дне отдыха; благомыслящие граждане должны собраться вокруг алтаря отечества, а в случае его отсутствия,—перед деревом свободы, чтобы пропеть патриотический гимн и выслушать провозглашение новых законов и краткий доклад о политическом положении Республики и трудах Национального Конвента. Доклад этот будет сделан представителем местной власти, или же гражданином, ему назначенным, но ни в коем случае не служителем какого либо культа. Остальное время может быть использовано для военных упражнений, скачек и патриотических танцев.

«5. Представители народа, посетившие большую часть народных обществ четырех департаментов и бывшие свидетелями их достойной монтаньяров энергии, вверяют просвещенному усердию этих обществ борьбу с последними усилиями чудовища фанатизма, к коим он, несомненно, прибегнет в час своей агонии...

«...Дано в Оше, в 6 день месяца брюмера II года Французской Республики, единой и нераздельной». (Курсив наш. Я. М.).

Мы подчеркнули в этом распоряжении слова «колокол, если таковой еще существует». Эта осторожная оговорка об'ясняется тем, что хотя декрет 23 июля 1793 г. и предписывал сохранение одного колокола в каждом приходе, с момента установления культа Разума, предписание это далеко не всегда соблюдалось и во многих местностях Франции колокола были в это время сняты совершенно. Так например, конвентский комиссар в департаменте Нижних Пиренеев Монетье в изданном им постановлении предписывал, чтобы все колокольни, существующие в данной коммуне, были разрушены и заменены простыми крышами. Еще дальше пошел конвентский комиссар в департаментах Канталля и Ло-Бо, который издал по этому вопросу специальное постановление, гласившее:

«Именем французского народа, представитель народа в департаментах Канталля и Ло, принимая во внимание, что царство разума просветит жителей насчет истинных принципов религии; что последние повелевают упражняться в добродетели и чтить за-

коны; что храм добродетели только в сердце человека; что нет иных обрядов, кроме благоденний и братской любви;

«Принимая во внимание, что для развития философского просвещения важно уничтожить все символы, которые могут снова пробудить в народе опасное и преступное суеверие; что отныне не должны существовать памятники, которые напоминают о былых церемониях, созданных воображением надменных и алчных тиранов народной совести;

Постановляют:

«1. В течение будущего месяца снести все колокольни в коммунах департамента Ло, сравняв их с уровнем здания церквей;

«2. Если корпус этих колоколен четырехгранный и трудно поддающийся разрушению или если последнее требует больших издержек, должна быть снесена только верхушка колокольни, и вместо нее поставлена статуя Свободы или иной символ Революции».

После ограничения внешних церемоний культа и снятия колоколов, остался только один шаг до полного закрытия всех местных церквей, исключая храма Разума, а в Париже Коммуна на следующий день, 3 фримера (23 ноября) приняла следующее знаменательное постановление:

«Генеральный Совет постановляет:

«1. Все существующие в Париже церкви или храмы всех без исключения культов будут немедленно закрыты.

«2. Все служители всех без исключения культов делаются лично и индивидуально ответственными за все могущие возникнуть беспорядки, источником коих будут религиозные взгляды.

«3. Все, потребовавшие открытия церкви или храма, будут арестованы в качестве подозрительных.

«4. Революционные комитеты приглашаются внимательно наблюдать за всеми священниками.

«5. Национальному Конвенту будет подана петиция с просьбой издать декрет, устраняющий священников от всех общественных должностей, а равно и от службы в оружейных мануфактурах».

Но даже и в тех областях Франции, где не происходило полного закрытия всех без исключения церквей, зачастую имели случаи их частичного упразднения. «Согласно указаниям установленных властей и дикрикта»,—писал в своем донесении из Этампа от 21 брюмера конвентский комиссар Кутюрье—«я счел необходимым об'единить несколько приходов. Будем надеяться, что скоро все церкви превратятся в место народных собраний». А конвентский комиссар в Нижних Пиренеях Монетье в своем уже цитированном постановлении предписывал запрещение публичного богослужения в целом ряде больших церквей города По, как то церквях Госпиталя, Коллегии, Приюта для сирот и т. д.¹⁾.

Одновременно с закрытием церквей, происходило и изъятие всех имевшихся в церквях ценностей, причем изъятие это касалось не только подлежащих закрытию церквей, но и всех остальных. Нам уже приходилось указывать на огромное число подно-

¹⁾ Олар, «Культ Разума» стр. 112.

шений церковных ценностей, делавшихся Конвенту уже с первых дней существования культа Разума; теперь мы приведем несколько конкретных примеров этого явления.

Конвентский комиссар в департаменте Дордони, Ру-Фазиль-ик, в своем уже цитированном нами донесении Конвенту от 23-го брюмера, между прочим писал:

«По мере того, как восстанавливается энергия патриотизма, ослабевает и потухает в той же самой пропорции суеверие; и революционный философ с удовлетворением должен взирать на то, как в этих краях, где раньше владычествовал фанатизм, власть попов не надолго пережила власть королей.

«Я назначил «миссионеров» нового рода; они только что стали собирать по деревенским церквам бывшие священные сосуды; сбор этот дал уже значительные результаты; он увеличивается с каждым днем, с каждой минутой; собранные предметы, или по крайней мере, часть их, в один прекрасный день появятся перед вашими глазами в зале заседаний Конвента. Слабодушные, которые все еще хотят чуда, убеждаются, что вино совершенно также превращается в кровь в оловянном сосуде, как и в золотой чаше. Таким образом, Национальный Конвент может считать, что через несколько месяцев все эти изделия поповского обмана будут превращены, если он так захочет, в республиканскую монету¹⁾.

К таким же приблизительно способам прибегали и другие конвентские комиссары, а также органы центральной и местной революционной власти, и именно поэтому есть основания полагать, что начатая осенью 1793 года кампания по конфискации церковных ценностей дала очень значительные результаты. «Сообщают вам,—писал в донесении Конвенту от 23 брюмера конвенгский комиссар в Эр-и-Луаре и Сарге Тирион,—что отправлю вам скоро транспорт с серебром, которое коммуна Манс намерена поднести Национальному Конвенту. Это главным образом хорошеные святые из золота и серебра, церковные украшения и драгоценная утварь фанатизма, вырванные у него философией и патриотизмом. Этот патриотический дар оценивается выше, чем в двести тысяч ливров».

Подобные же сообщения в значительном количестве рассыпаны в относящихся к этому времени отчетах о заседаниях Конвента и донесениях конвентских комиссаров. Чтобы не быть голословными, приведем еще несколько примеров.

«Дремавший здесь последнее время патриотизм начинает, наконец, просыпаться, а фанатизм издается», пишет конвентский комиссар Бо Национальному Конвенту 23 брюмера из Реймса. «Колокола, с которыми до сих пор относились с полным уважением, не взирая на издаваемые ими немузикальные звуки, спущены с колоколен и находятся на пути в Мец, где они будут превращены в боевые орудия. Все без исключения церковные ценности собираются и пересыпаются на монетный двор, где им придается более республиканская форма; для религиозных церемоний должно хватить деревянной и стеклянной утвари».

А вот что пишут Конвенту 25 брюмера из Рошфора уже известные нам Ленъело и Лекинио:

¹⁾ «Французская революция в провинции и на фронте» стр. 298—299.

«Мы пользуемся, граждане, случайным курьером, чтобы... отправить вам божью кастрюлю (подразумевается церковная чаща. Я. М.), переданную нам гражданином Грюэлем, письмо которого мы при сем прилагаем. Вчера депутация с острова Эке явилась сообщить нам, что она отгрузила на ваше имя целый тюк, заключающий все божьи ящики этого осгрева, футляры для жира, одним словом все предметы, принадлежащие их покойным религиозным шарлатанам. Все окружные муниципалитеты обращаются к вам с вопросом, куда девать их церковные ценности; мы указываем им на рошельский монетный двор, так как мы полагаем, что все эти дурачества должны быть присоединены к уже находящимся там золотым и серебряным изделиям, которые мы вам в скором времени вышлем».

«Огромные размеры числа собранных здесь чащ, святых, крестов, солнц и т. п., пишет 30 брюмера из Этампа конвентский комиссар Кутюрье,—побудили меня обратить их в первобытное состояние, чтобы облегчить их передвижение. Завтра, после их подсчета, эти святые пройдут через горнило».

Изъятие церковных ценностей преследовало, само собой разумеется, задачи не столько анти-христианского, сколько просто практически-финансового порядка. Однако, наряду с таковыми, инициаторы и деятели дехристианизаторского движения не оставаливались и перед мероприятиями, имевшими исключительно принципиально-агитационное значение. Мероприятиями подобного рода являлись вскрытие мощей; к ним же следует отнести и произведенное конвентским комиссаром—монтаньяром Рюлем 7 октября, т.-е. еще до официального прозвозглашения культа Разума, разбитие находившейся в реймском соборе так называемой Sainte-Ampoule, т.-е. флакона, содержавшего миро, служившее для помазания французских королей при их коронации.

Для ознакомления с этим последним событием мы приведем официальный протокол, составленный и подписанный в тот же день 7 октября Рюлем и реймскими должностными лицами.

«Сегодня, в понедельник 7 октября 1793 г., II года Республики, в помещение Генерального Совета реймской коммуны, где находились члены означенного Совета, около 2-х часов дня явился гражданин Рюль, народный представитель при департаменте Марны, находящийся в настоящее время в Реймсе. Причиной его прихода было существование законов, касающихся упразднения монархии и всех связанных с ней символов и отличительных знаков, а также желание нескольких граждан департамента Марны и здешнего города, которые вчера просили об уничтожении, на основании указанных выше законов, реликвии, содержащей так называемую Sainte-Ampoule, которой ранее пользовались для помазания бывших королей...

«Гражданин мэр, который сегодня утром затребовал к Коммуну названную реликвию, до сих пор находившуюся в церкви святого Реми, передал ее народному представителю Рюлю. Последний сообщил, что, согласно тому, что было об'явлено вчера гражданам, разрушение Sainte-Ampoule, находящейся в указанной раке, должно иметь место на национальной площади города. В силу этого члены Коммуны отправились вместе с гражданином Рюлем на эту площадь, на которой уже находились администрации дистrikта. После этого рака была раскрыта в присутствии

значительного количества граждан и вынутая оттуда Sainte-Ampoule, т.-е. небольшой стеклянный флакон, была разбита народным представителем Рюлем. При этом оказалось, что флакон этот некогда содержал красную жидкость, настоящее время совершившую высохшую и покрывавшую лишь стенки сосуда, внутри которого не было никакой жидкости; все это было проверено окружающими гражданами. Что касается до раки из позолоченного серебра, на которой сохранилось лишь очень немного камней, так как другие были оттуда уже ранее изъяты, то она была вручена народному представителю, гражданину Рюлю, во исполнение законов, предписывающих передачу церковных ценностей Конвенту.

На следующий день, 8 октября, Рюль отправил Национальному Конвенту письмо следующего содержания:

«Граждане-коллеги,

«В силу вашего декрета от 16 сентября, вы поручили мне наблюдение, в пределах департамента Марны, за вашим законом от 23 августа¹). Статья первая этого закона предписывает, чтобы на общественных площадях старцы проповедывали ненависть к королям и единство Республики. По своему прибытии в Реймс, я не нашел там старцев, которые могли бы проповедывать на общественных площадях ненависть к королям. Но так как я сам являюсь уже стариком, ненавижу королей, деспотов и всех врагов свободы и равенства, то я отправился на бывшую королевскую, а ныне национальную площадь и стал проповедывать ненависть к тиранам. Чтобы за словом последовало и дело, а за теорией—практика, я в присутствии установленных властей и значительного количества народа и под многократные возгласы: «Да здравствует Республика, единая и нераздельная!», разбил памятник, созданный злонамеренной хитростью духовенства, стремившегося таким образом послужить честолюбивым намерениям тирана. Одним словом, я на пьедестале бывшего памятника Людовика лентяя, пятнадцатого по счету, разбил Sainte-Ampoule. Голова тирана скатилась и то же самое произойдет с головами всех тех, кто попытается возвыситься над ставшими свободными французами. Этот многочисленный и великодушный народ не увидит больше позорного фарса счастливого разбойника; поэтому должно быть уничтожено все имеющее отношение к помазанию и все поддерживающее в интересах угнетателей фанатизм народа, который заставляли верить, что Небо избирает смертных, более счастливых, чем он и имеющих право держать его в цепях. Sainte-Ampoule более не существует. Эта глупая побрякушка для стариков и опасное орудие в руках прихвостней деспотизма, исчезло навеки. Посылаю вам, граждане, ее осколки, а также содержащую ее раку и протокол, свидетельствующий об уничтожении Sainte-Ampoule.

«Привет и братство.

Филипп Рюль».

Переходим теперь к вскрытию мощей, примером чего может послужить произведенное в Париже вскрытие раки с мощами св. Женевьевы, считавшейся, как известно, традиционной покровительницей этого города. Мы видели выше, что рака эта была в

ночь с 16 на 17 брюмера перенесена из собора парижской богоматери на монетный двор; через несколько дней после этого рака была вскрыта Приводим составленный по этому поводу официальный протокол:

«Явившись в здание, находящееся при монетном дворе, мы, нижеподписавшиеся, убедились в целости печатей, наложенных на двери комнаты, в которой находилась рака св. Женевьевы. Осмотрев указанную раку, нижеподписавшиеся признали, что общеславенное мнение сильно ошибалось при высокой оценке стоимости раки, так как большая часть покрывающих ее камней—фальшивые. Бриллианты, настоящие и фальшивые, жемчуга и золотые и серебряные части раки оценены нами в 23.800 ливров. Внутри раки мы нашли ящик к форме гроба, покрытый приклейкой к нему белой овечьей кожей и скрепленный железными полосами.... Кроме этого ящика, в раке содержались шерсть и небольшой кошелек из красного шелка, на одной стороне которого изображен двуглавый орел, а на другой—вышитые золотом два орла с белой лилией между ними. В кошельке находился небольшой кусок шелковой ткани с завернутой в него какой то землей. Внутри гроба мы обнаружили два мешечка из желтой кожи. К одному из углов был привязан ниткой пакет из белого полотна; в пакете этом оказались 24 других маленьких пакета, частью из полотна, частью же из кожи, и несколько кожаных кошельков различного цвета. Далее найдены: флакон, заткнутый тряпкой и содержащий небольшое количество темноватой жидкости; лист пергамента с надписью: „Una pars casulae Sancti Petri, regis apóstolorum“ и несколько других пергаментов с надписями, которых мы не смогли расшифровать. Двадцать четырех пакетов содержали множество других, меньших размеров, заключающих в себе щепотки земли, описать которую невозможно. Один из этих пакетов, в форме кошелька, содержит голову из черной эмали, размером с небольшой орех, и зловещую фигуру, внутри которой находится бумага, заключающая в себе незначительное количество костей. Другой пакет из просмоленного белого полотна содержал кости трупа и череп, на котором оказалось значительное количество окристаллизовавшейся извести. Тазовых костей нам обнаружить не удалось. Кроме этого мы нашли: лоскут пергамента с надписью: „Hic jacet hūmatum sanctae corporis Genovesae“ и медный стилет, заостренный с одного конца и в формэ лопаты—с другого. Этот инструмент служил древним для писания восковых дощечках.

«Рака была изготовлена в 706 году бывшим так называемым св. Элуа, ювелиром и парижским епископом. Она была починена в 1614 г. парижским ювелиром Николем; повидимому именно в это время находившиеся на ней драгоценные камни были заменены фальшивыми. Сама рака сделана из толстого дуба. Между другими странными и смешными предметами, мы заметили на этой раке выгравированное на камне изображение Муция Сцеволы, скигающего свою руку за то, что она не смогла нанести меткого удара тирану Порсенне; под этим изображением выгравирована Констанция. На других камнях выгравированы некрасивый Ганимед, поднимаемый орлом Юпитера, Венеры, амуры, и другие легендарные герои. Все покрывающие раку орнаменты сделаны из очень тонких позолоченных серебряных пластинок».

¹) Имеется в виду закон о всеобщем ополчении граждан.

Протокол вскрытия раки с мощами св. Женевьевы был заслушан Парижской Коммуной 1 фримера, после чего Коммуна постановила «разослать этот протокол по секциям, а также отправить его римскому папе».

Кроме того, Коммуна постановила, что «найденные в этом ящике кости и отрепья будут немедленно сожжены на Гревской площади, чтобы искупить таким образом преступление, заключающееся в том, что они служили для поддержания заблуждений иувековечения роскоши столь большого числа тунеядцев».

Мы рассмотрели все важнейшие мероприятия, принятые инициаторами и сторонниками культа Разума как для распространения и поддержания этого культа, так и для борьбы с католицизмом и должны теперь перейти к выяснению их результатов. И обращаясь к рассмотрению этого вопроса, мы должны прежде всего еще раз повторить то, о чем мы уже говорили: при тех методах борьбы с христианством вообще и католицизмом в частности, которые применяли сторонники культа Разума, борьба эта не могла дать ничего, кроме самых нежелательных для них результатов.

Нет никакого сомнения в том, что в числе связанных с культом Разума мероприятий были и такие, которые должны быть целиком оправданы и одобрены с точки зрения революционной целесообразности. К числу таких мероприятий принадлежит, без всякого сомнения, конфискация церковных ценностей и ни перед чем не останавливающаяся борьба с контр-революционным духовенством.

Наряду с этими безусловно положительными мероприятиями, имелись и такие, которые можно было бы также оценить положительно, если бы они проделывались более умно и сопровождались бы надлежащей разъяснительной работой. Это следует прежде всего сказать о вскрытии мощей, мероприятии самом по себе безусловно целесообразном. Но вся беда в том, что вскрытия эти зачастую производились келейно и не были использованы для надлежащей анти-христианской пропаганды, как это было, например, с только что описанным нами вскрытием мощей св. Женевьевы. А в тех случаях, когда мероприятия подобного рода производились даже и публично, их все же в слишком недостаточной степени сопровождала соответствующая разъяснительная работа и поэтому, например, разбитие Sainte-Ampoule могло бы при иных, более благоприятных условиях, дать несравненно больше того, чем дало на самом деле.

Но кроме таких целесообразных и полу-целесообразных мероприятий, культа Разума, как мы уже знаем, сопровождался еще и такими, которые могут быть оценены только отрицательно — это насилиственное ограничение религиозного культа, доводившее иногда до полного закрытия церквей. Мы по своему опыту достаточно хорошо знаем, какой вред в деле борьбы с религией приносит насилие и принуждение сверху к отказу от своих верований; что же сказать об эпохе Французской Революции, когда широкие народные массы были сплошь темны и неграмотны! Вот почему эта сторона деятельности инициаторов и сторонников культа Разума, вполне вытекавшая впрочем из их классовой сущности и идеологии, могла принести исключи-

тельно отрицательные результаты и результаты эти не замедлили сказаться.

Наряду с насилиственным искоренением католицизма, в де-христианизаторском движении конца 1793 г. была еще одна неудачная сторона, связанная с введением революционного календаря. Мы хорошо знаем, что проводимый в настоящее время правительством пролетарской диктатуры в СССР новый революционный календарь имеет в виду прежде всего улучшение положения трудящихся масс, достаточным доказательством чего является установление дней отдыха один раз в пять дней вместо одного раза в семь дней. В противоположность этому, мелкобуржуазные якобинцы, осуществляя свой календарь, помимо принципиальной задачи борьбы с христианством, стремились к защите интересов не наемных рабочих, а лишь мелких хозяек, политическими представителями коих они являлись. Поэтому установленный ими революционный календарь взамен отдыха один раз в семь дней, вводил отдых один раз в десять дней, а это, само собой разумеется, означало значительное ухудшение положения всех трудящихся, живших наемных трудом. Неудивительно, что революционный календарь должен был поэтому так жестоко избить этих последних, как и неумело проводимая борьба с католицизмом.

Для того, чтобы не быть в наших утверждениях голословными, приведем несколько подтверждающих их документов. Вот прежде всего отрывок из донесения Комитету Общественного Спасения из Курталэна (в департаменте Сены и Марны) от 24 брюмера, принадлежащего перу конвентского комиссара Годфруа:

«Граждане — коллеги,

«В Курталэнне имело место многочисленное собрание вооруженных людей. Я говорил с народом: он требует открытия и восстановления церквей и я обещал передать вам это пожелание. Народ успокоился, но он хочет удовлетворения...

«Я думаю, что будет трудно восстановить порядок, не открыв церквей, которые повидимому были закрыты здесь слишком спешно и без согласия народа. Кроме того, повидимому, необходимо декретировать, что церковные ценности будут переданы в государственное казначейство, но что церкви будут открыты и что те, принужденные к оставлению своих обязанностей священники, которые не являются подозрительными, смогут возвратиться к их исполнению.

«Повидимому при всех этих актах имели место многочисленные насилия....

«...Новый календарь также вызывает сильное волнение и дает повод недовольству; говорят, что он упразднил праздники.

Я дал по этому поводу надлежащие разъяснения.

«Привет и братство.

«Ваш коллега Годфруа» (Курсив наш — Я. М.).

Еще более красноречиво следующее донесение, написанное 27 фримера конвентским комиссаром — монтаньяром Ноэлем Пуантоном (кстати сказать, одним из немногих членов Конвента —

рабочих¹⁾, в котором он описывает беспорядки, возникшие в местечке Шарите в департаменте Ниевры, т. е. том самом, в котором ранее подвизался Фуше:

«Едва я достиг наблюдательного комитета, как был поражен звуками колокола, возвещавшего о мессе. Это было результатом того, что жители соседних деревень собрались и вынудили, дискриминировать им ключи от церкви. Я не захотел мешать этим добрым людям, жертвам невежества, но после мессы я, под звуки барабана, созвал их на общее собрание. Они явились на это собрание и их первым возгласом было: «Да здравствует Республика!» Но за этим раздался другой в озглас: «Да здравствует религия!» Умы были сильно разгорячены, но поговорив с ними и издав распоряжение, столь же мудрое, сколь и строгое, мне удалось их убедить. Теперь этот городок совершенно спокоен».

При таком положении вещей было вполне очевидно, что контр-революционному духовенству ничего не стоило использовать в своих целях недовольство широких масс населения дехристианизаторской политикой якобинцев. Совершенно прав был поэтому тот неизвестный читатель «Парижских революций», который, в письме в редакцию, напечатанном в № 223 этой газеты, негодовал по поводу применения насилия в деле борьбы с католицизмом и писал: «Я сам видел много попов, которые посмеивались под своими капюшонами, расчитывая на добрую поживу». То, что они при этом несколько не ошибались, может быть подтверждено хотя бы следующим отрывком из донесения конвентского комиссара Лано от 28 фримера, в котором он описывает лишь с большим трудом подавленные беспорядки, произшедшие в местечке Меймак в департаменте Коррез:

«Из произведенного следствия и розысков видно, что в этих местах существовал удачно задуманный и подготовленный заговор, авторами которого были попы и агенты арестованных. Эти агенты в течение уже некоторого времени бродили по деревням и пытались подготовить население к восстанию под предлогом, что религия погибла и что для ее спасения необходимо собраться под звуки набата. И действительно, 20 фримера, т. е. в памятный день, назначенный патриотами для совершения празднества Развума, в минуту, когда они с чувством полной безопасности отдавались тихим радостям братства, со всех сторон начали раздаваться звуки набата и с соседних гор стали спускаться толпы восставших, вооруженных ружьями, пиками, косами и прочими орудиями разрушения. Пораженные патриоты, собравшись в Меймаке, пытаются обратиться к ним со словами мира, но их окружают и убивают. Большой части их удалось избежать смерти лишь путем бегства; более сорока человек получили опасные для жизни раны. На улицах этой коммуны слышны были лишь бунтовщические крики вождей восставших, требовавших голов патриотов. За этим следовали возгласы: Да здравствуют наши священники! Да здравствует Людовик XVII!...»

Немногим лучше, чем в провинции, обстояло дело и в самом Париже. Мы видели в свое время, какое недовольство вызвало в Париже запрещение в 1792 г. рождественской ночной службы

в церквах и само собой разумеется, что за истекший с этого времени срок настроение широких масс столицы измениться еще не могло.

Как совершенно правильно замечает Кунов, в эпоху Французской Революции враждебность широких народных масс в отношении контр-революционеров — «не распространялась на духовных, которые жили среди народа и ограничивались исполнением своих церковных обязанностей. И еще того меньше направлялась она против культа Пресвятой Девы, святой Вероники, святой Женевьевы (покровительница Парижа) или против других святых, пользовавшихся особым почетом в низших слоях народа. От невежества этих слоев отскакивали, не производя никакого действия, философские теории великих материалистов. Ход развития идей XVIII века оставался для них книгою за семью замками... Они не понимали нападок на католические догматы и философских умозрений об отношении материи или духа, или о существовании бога. И притом, так было не только в деревенских частях Франции, где у крестьян еще сохранялся самый грубый средневековый куль святых и чудес, но и в Париже, умственном центре Франции. Поэтому борьба против католической церкви неоднократно приводила вождей мелкой буржуазии Парижа к серьезным конфликтам с их сторонниками»....

Само собой разумеется, что в Париже, под самым носом революционной полиции Комитета Общей Безопасности, конфликты эти, в противоположность тому, как это было в провинции, не могли принимать формы открытых восстаний. Но достаточно ярким показателем отношения парижских масс к культу Разума может служить хотя бы то обстоятельство, что напечатанное в «Отце Дюшене» «сообщение о сожжении мощей св. Женевьевы вызвало в мелкой буржуазии и рабочих такую бурю негодования, что в различных частях города и пригородов разносчиков газеты избивали и угрожали им смертью».

Наряду с таким открытым протестом против дехристианизации, парижские массы просто напросто саботировали таковую и, не взирая на распоряжение Коммуны, целый ряд католических церквей продолжал долгое время функционировать. Вот что рассказывает по этому поводу газета «Церковные известия»:

«Часовня ордена Ораторианцев, на улице Анфер, в дни праздников никогда не пустовала, когда в ней совершалось богослужение. Пока служили обедню, на улице стояла такая же толпа, какая молилась в церкви; она дожидалась окончания одной обедни и начала другой. Жители пригородных деревень, возвращаясь с рынка, радостные и растроганные, причащались святых тайн, пользуясь случаем, коего были лишены у себя дома. Другие приходили сюда за 2—3 лье из своих селений. После полудня народу бывало столько, что он уже не помещался в часовне».¹⁾

Тоже самое происходило в это время в других схранившихся церквах, как то часовне английских монахинь, молельне монастыря Непорочного Зачатия и т. д. Когда же весной 1794 года, эти церкви были все же закрыты, им на смену явились многочис-

¹⁾ Биографию Пуанта см. А. Kuscinski, «Dictionnaire des Conventionnels»

²⁾ Г. Кунов, цит. соч., 1923, стр. 610.

ленные подпольные молельни и служба в них неизменно происходила до самого конца Террора.

Таким образом, все сказанное позволяет нам констатировать, что кульп Разума и связанное с ним дехристианизаторское движение окончились, как этого и следовало ожидать, полной неудачей. Поскольку же, как мы уже говорили, большая часть робеспьеристов во главе со своим вождем с самого начала являлись противниками Разума и для открытого выступления ждали лишь его явного провала, выступление это не могло не последовать уже довольно скоро и именно оно, как известно, повлекло за собой официальную ликвидацию кульпа Разума. Началом конца этого культа была знаменитая речь Робеспьера 1 фримера (21 ноября 1793 г.).

III

Перед тем, как переходить к выступлению Робеспьера и последовавшим за ним событиям, необходимо немного возвратиться назад и обратиться к деятельности Национального Конвента, который мы оставили в день Праздника Разума 20 брюмера.

Мы уже говорили, что день 20 брюмера был днем максимальных успехов Кульпа Разума, за которым должен был последовать его постепенный упадок. Однако, наряду с признаками угасания Кульпа Разума, речь о которых будет дальше, в деятельности Конвента в дни, непосредственно последовавшие за 20 брюмера, мы находим и явления несколько иного порядка, свидетельствующие о том, что Конвент в это время как бы по инерции продолжает идти по ранее принятому направлению. Так, не говоря уже о том, что в течение всех двадцатых чисел брюмера Конвент продолжает вполне благосклонно встречать известия с мест об отречении полов и о присылке церковных ценностей (такие известия поступали в заседаниях 22-го и 25 брюмера и некоторых других), 23 брюмера по предложению Тюро принимается декрет, гласящий, что «уставленным властям разрешается принимать заявления церковников, отказывающихся от своего сана. Заявления эти должны быть пересылаемы в двухнедельный срок в комитет народного образования». А 25 брюмера Конвент по предложению того же Тюро постановляет «реабилитировать память жертв суеверия и невежества—Ла Барра и Эталонда» и вознаградить их наследников за некогда конфискованное у них имущество.

Принятие предложенного Тюро декрета послужило поводом для выступления Барера, в котором он заявил, что декрет этот «является только полу-справедливостью в отношении жертв фанатизма. В тот момент, когда я услышал имя Ла Барра, меня поразила следующая мысль: почему же в принятый вами декрет не включен также и Калас? Ведь он тоже был жертвой фанатизма. Разве не те же самые священники, а также церковные фокусники и участники религиозных маскарадов, известные под названием белых, синих и черных отцов, фанатизировали уже и так в достаточной мере фанатичный парламент и понудили его произнести неправосудный приговор, столь известный как сам по себе, так и по энергичным протестам фернейского философа?... Поэтому я предлагаю, чтобы вы приняли относительно памяти Каласа та-

кое же постановление, какое вы приняли в отношении Ла-Барра. Кроме того, на той площади, на которой умер Калас, должна быть воздвигнута колонна с надписью: Национальный Конвент—природе и отцовской любви».

Предложение Барера было принято ¹⁾, а следующий оратор—Гаран предложил реабилитировать также и память Сирвена. Предложение это было передано в комитет народного образования, которому Конвент поручил также представить проект общего закона по этому вопросу.

В том же заседании 25 брюмера Конвент удовлетворил ходатайство парижских властей об отведении части здания бывшего епископства для устройства больницы. А затем, по предложению Камбона, Конвент решил предать этой мере общий характер и поручил своему комитету социального обеспечения выработать проект декрета, согласно которому «церкви, служившие до сих пор для отправления католического культа и дома священников должны быть специально посвящены народному образованию и облегчению страждущего человечества».

В заседании Национального Конвента 27 брюмера выступил Анахарзис Клоотц, произнесший большую атеистическую речь. Вот ее важнейшие места:

«Разрешите мне, граждане-коллеги, предоставить вам случай искупить оскорбление, нанесенное разуму Законодательным Собранием, которое под влиянием христианских аргументов гильотинозной памяти кальвадосского епископа ²⁾, отложило вопрос о принятии одной из моих философских работ, являющейся плодом пятнадцатичасовой ежедневной работы в течение целых четырех лет. Эта работа, своеобразная по своим методам и тактике и любопытная по своим деталям и аргументам, единственным ударом поражает все основанные на откровении секты, как древние, так и современные. Она озаглавлена «Достоверность доказательств магометанства», ибо я бросаю мусульмана под ноги последователям остальных сект, которые после этого падают один на другого. Моя книга может заменить целую обширную библиотеку.

«Поражающий сейчас наши революционные взоры взрыв философии является результатом пятидесяти лет работы и преследований; лишь со смелым упорством нападая на все ложные откровения, нам удалось достигнуть эпохи откровения здравого смысла.

«Обращение великого народа доказывает вам, что философы не сеяли на неблагодарной почве и что прозелитизм ошибок менее быстр в своем действии, нежели прозелитизм вечных принципов. Сегодня благословения истины заставляют нас забыть исклятия обмана. Я радуюсь, что меня преследовал парижский архиепископ, когда вижу, как все французское духовенство отрекается от учения, против которого я извергал целые тома в течение десяти лет, предшествовавших взятию Бастилии».

¹⁾ Там-же, стр. 438. 29 брюмера Конвент дополнительно декретировал, что колонна в честь Каласа должна быть сделана из мрамора «высванного разумом у фанатизма в упраздненных церквях департамента». «Moniteur», т. XVII стр. 472.

²⁾ Речь идет об епископе Фоше, гильотинированном вместе с некоторыми другими членами Конвента—жирондистами 31 октября 1793 г.

Изложив затем свою до-революционную деятельность, с которой было уже связано зарождение его мечты о всемирной республике, Анахарзис Клоотц продолжал:

«С 1789 года я усилил энергию своей борьбы с мнимыми суверенами земли и неба. Я стал во всеуслышание проповедывать, что нет бога, кроме природы и нет владыки, кроме человеческого рода, народа—божества. Народ сам довлеет себе и он будет жить вечно; природа не преклоняет колени сама перед собой. О величии свободного человеческого рода судите по французскому народу, который составляет его часть; о непогрешимости целого судите по разумности части, которая одна уже заставляет трепетать целый порабощенный мир. Чем больше будет увеличиваться число свободных людей, тем менее будут бояться высокопоставленных особ; подозрительные люди исчезнут вместе с тиранами и всеобщее уравнение будет наилучшим щитом против каких бы то ни было восстаний.

«Наблюдательный комитет всемирной республики будет иметь меньше забот, чем ныне имеет такой комитет самой малой из секций Парижа. Тоже самое можно сказать и относительно всех министров. Моя республика является антиподом бюрократии. В ней будет мало учреждений и налогов и совсем не будет палачей. Всеобщее доверие заменит необходимую сейчас осторожность. Разум обединит всех людей посредством одной группы представителей, без всякой иной связи, кроме письменных сношений. Это будет настоящая республика знаний.

«Граждане, самым главным препятствием для осуществления моей утопии является религия. Однако, без всякого сомнения, препятствие это не является непреодолимым, ибо мы видим, как христиане и евреи оспаривают друг у друга честь наибольшего торжественного отречения. То же самое будет повсюду, где будет принята монтаньярская конституция и где люди будут обладать здравым смыслом. Ибо конституция, которая оставляет попам сдни их фокусы, заставляя их возвратить нам как нашу мораль, так и наши деньги,—такая конституция, показывая обман во всей его ужасающей наготе, неизбежно должна произвести те чутки, примеры которых мы имеем сейчас пред глазами».

Доказав затем ссылкой на примеры Риз-Оранжиса, Рошфора и других местностей, что народ уже созрел для дехристианизации, Анахарзис Клоотц продолжал:

«Таким образом доказано, что противники религии принесли большую пользу человеческому роду. Именно поэтому я требую установления в Храме Разума статуи в память первого отрекшегося церковника. Для того, чтобы получить на это согласие Национального Конвента, достаточно будет его назвать: это смелый, великодушный и великий Жан Мелье, кюре Этрепини в Шампани и автор того «Философского завещания», которое вызвало ужас Сорbonны и всех христовствующих фракций. Память этого человека, оплеванная при старом режиме, должна быть реабилитирована при режиме природы.

«Граждане-коллеги, я надеюсь, что вы благосклонно примете оба предложения, ибо парижские архиепископы и кальварийские епископы сейчас не в моде.

В ответ на предложения Анахарзиса Клоотца, Национальный Конвент без прений принял следующий декрет:

«Заслушав сообщение члена Конвента Анахарзиса Клоотца о подношении одного из его произведений, озаглавленного «Достоверность доказательств магометанства», в котором констатируется ничтожество всех религий,--Собрание принимает это подношение, признает его достойным похвалы и включения в свой бюллетень и передает книгу в комитет народного образования.

«Конвент передает в свой комитет народного образования сделанное тем же членом предложение о возведении памятника Жану Мелье, кюре Этрепини и Понта в Шампани, первого священника, имевшего смелость отречься от религиозных заблуждений.

«Национальный Конвент декретирует напечатание и рассылку по департаментам речи, предшествовавшей сделанному Анахарзисом Клоотцем подношению».

Но если Национальный Конвент таким образом не только декретировал постановку памятников «жертвам фанатизма», но и аплодировал открыто атеистической речи Анахарзиса Клоотца, то из этого еще вовсе не следует, что большинство Конвента было расположено идти в это время по пути, намеченному в заседаниях 17 и 20 брюмера. Дюран-Мальян, вождь так называемого «болота», рассказывает в своих мемуарах, что в праздновании Разума, имевшем место в соборе парижской Богоматери, вечером 20 брюмера, «отказались участвовать по меньшей мере половина членов Конвента»¹⁾. Если это показание даже и несколько преувеличено, то все же следует помнить, что помимо «болота» и остатков жирондистов, и робеспьеристская часть Конвента была, как мы знаем, против Культа Разума и дехристианизации и молчала лишь до поры до времени. А 21 брюмера к тому же еще обнаружилось, что от поддержания Культа Разума начинают отступаться и бывшие до тех пор его решительными сторонниками дантонисты.

Мы указывали в свое время, что если дантонисты и решились сначала на столь энергичную поддержку затянутой эбертистами и шометтистами дехристианизации, то делали они это исключительно из демагогии, надеясь таким путем подчеркнуть свою левизну и прикрыть свою связь с создавшейся в процессе революции «новой» буржуазией. Но уже очень скоро выяснилось, что маскировка эта не достигает цели и 19 брюмера Робеспьер в заседании якобинского клуба довольно прозрачно намекнул, что в числе врагов Республики имеются «слабые и ошибающиеся патриоты, являющиеся лишь эхом мешаниников». Когда же в ответ на это дантонисты решили перейти в наступление и Шабо, Тюрьо и Базир добились 20 брюмера от Конвента декрета, согласно которому ни один депутат не мог быть впредь арестован без того, чтобы Конвент его предварительно выслушал, то ответом на это было яростное негодование якобинского клуба, в котором обединились эбертисты и робеспьеристы. В заседании якобинского клуба 21 брюмера Монто назвал предложенную Тюрьо, Шабо и Базиром меру контр-революционной, а Эбер предложил исключить из клуба Тюрьо и рассмотреть поведение Шабо и Базира. Предложение это было тут же принято; что же касается до Национального Конвента, то под давлением

¹⁾ Durand-Maillane «Histoire de la Convention Nationale», стр. 182.

робеспьеристов и эбертистов он пошел на попятный и уже на следующий день, 22 брюмера, постановление 20 числа было отменено.

Происшедшее таким образом полное разоблачение дантонистов имело своим результатом немедленное изменение их религиозной политики, обнаружившееся уже 21 брюмера. Мы видели выше, что еще 16 брюмера находившийся под влиянием эбертистов центральный клуб народных обществ, добивался поддержания якобинским клубом его петиции Конвенту об упразднении бюджета культов, а 18 брюмера явившаяся в заседание Парижской Коммуны делегация этой организации встретила там самый дружественный прием. И вот, когда 21 брюмера в Конвент пришла депутация центрального клуба народных обществ, представитель ее держал следующую речь:

«Законодатели, явившиеся к вам в количестве 56 человек комиссары центрального комитета народных обществ и парижских секций, заявляют вам нижеследующее: Мы просим вас издать закон, чтобы ни один гражданин не был обязан участвовать в оплате культов, в которые он не верит. Пусть те, кто еще продолжают верить в авгурков, их сами оплачиваю. Республиканец не знает иного культа, кроме культа свободы, истины и разума. Пора перестать оплачивать обман и безделие.

«Двери народных обществ закрылись уже перед всеми лицами, опозоренными званием священника, разве что они отказались от своих функций и избрали себе новую профессию. Французская Республика является ульем, из которого все ненужные трутни должны быть удалены. Послушайтесь же нас, законодатели, и вы окажете услугу отечеству».

Вопреки всяким ожиданиям, предложение центрального клуба народных обществ, повторявшее лишь пожелание, за последнее перед тем время неоднократно выставлявшееся многими лицами и организациями, было встречено Конвентом отнюдь не столь доброжелательно, как это можно было предположить, зная обстановку тех дней. Но, что вдвойне любопытно, в то время как представители других течений молчали, с ответом оратору депутатии выступили дантонисты.

Первым взял слово Шабо. «Вполне естественно,—заявил он,—что именно Парижская Коммуна, всегда шедшая впереди других департаментов, едва только дело касалось революционных мероприятий, еще раз подала достойный похвалы пример. Я не сомневаюсь, что большинство департаментов готово принять это предложение, но законодатели не должны слишком спешить. Мы сможем принять решение, лишь когда станет известным мнение остальных частей Республики.

«Пора, чтобы культа разума и закона занял место всех без исключения суеверий, но сначала следует подготовить общественное мнение. Лучший способ этого добиться—включить данное пожелание в бюллетень, признав его достойным похвалы, и передать его на рассмотрение комитетов финансов и народного образования, куда должны будут также быть переданы все аналогичные петиции».

Итак, тот самый Шабо, который еще за год до того поддерживал предложение Камбона о прекращении оплаты религиозных культов и который затем, как мы знаем, был одним из

наиболее рьяных адептов дехристианизации, выступает теперь, правда в чрезвычайно дипломатической форме, против совершенно аналогичного проекту Камбона предложения и требует его погребения под сукно! Столъ же дипломатично, но вместе с тем и столъ же враждебно по существу своему заслушанной Конвентом петиции было и выступление другого дантониста—Тюрьо.

«Достаточно и даже слишком долго,—начал Тюрьо,—Республика оплачивала армию фанатизма и заблуждений. Если бы философски настроенный человек был бы мстительным, он мог бы заявить священнику: мы предоставляем тебе богатства, которые ты обещал нам после смерти, в раю! Но добродетелью философа является гуманность; священник человек и, следовательно, его брат. Поможем же ему просветиться и не доводя священников до отчаяния, не будем тем самым мешать прогрессу разума. Отомстим добром за сделанное нам священниками зло.

«Я предлагаю, чтобы в ожидании времени, когда общественное мнение выявится с полной отчетливостью, финансовому комитету было поручено представить в недельный срок проект декрета, устанавливающего помочь священникам, которые, не имея иных средств существования, откажутся от своих церковных функций».

Национальный Конвент согласился с Шабо и Тюрьо и их предложения были декретированы без всяких дальнейших препятствий. Таким образом, отход дантонистов от поддержания религиозной политики эбертистов нанес этой последней тяжелый удар и если, как мы видели ниже, в течение всех двадцатых чисел брюмера Конвент еще во многом как будто бы продолжал ити по ранее намеченному пути, то нужно все же помнить, что одобрение речи Клоотца и декретирование постановки памятников жертвам фанатизма имело исключительно только декларативное значение, в то время как вотум 21 брюмера означал отказ от практических предложений дехристианизаторов.

Несравненно сильнее, однако, был удар, нанесенный Культу Разума робеспьеристами. Мы говорили выше, что большинство робеспьеристов с самого начала дехристианизации были ее решительными врагами и если они до поры до времени не выступали со своей критикой прямо и открыто, то это лишь потому, что они хотели дать своим противникам наглядный урок. Но не выступая против Культа Разума и дехристианизации с открытыми декларациями, робеспьеристы в своей практической работе по мере сил боролись с этими неприятными для них явлениями и чрезвычайно ярким доказательством этого может служить письмо Комитета Общественного Спасения к уже известному нам Андрэ Дюмону от 6 брюмера (27 октября). Письмо это, подписанное Робеспьером, Колло д'Эрбуа, Карно и Билло-Варенном, мы, ввиду его исключительной важности, приводим полностью:

«Мы уже давно с удовольствием взираем, гражданин-коллега, на ту энергию, которую вы развили во время проведения возложенных на вас ответственных миссий. Вы активизировали храбрость друзей отечества, отомстили за народ и заставили дрожать его врагов. Но те же самые принципы, которые вынуждают нас сделать это признание, заставляют нас также сделать одно замечание, целью которого является сделать ваш непреклонный патриотизм еще более полезным для дела Республики.

«Нам кажется, что во время ваших последних операций, вы слишком сильно обрушились на объекты католического культа. Часть Франции и, в особенности, ее юг, все еще фанатизированы. Поэтому крайне опасно давать лицемерным контр-революционерам, стремящимся зажечь пламя гражданской войны, какие бы то ни было поводы, мотивы как будто бы подтвердить их клевету. Не следует давать им случая утверждать, что нарушают свободу культов и борются с самой религией, как таковой. Нужно наказывать непокорных и бунтующих попов, но не подвергать проскрипции самое звание священника. Не следует также применять в отношении областей, где патриотизм холoden и находится в состоянии спячки, те сильно действующие средства, которые необходимы в восставших и контрреволюционных местностях.

«Продолжайте, дорогой коллега, наказывать изменников и плохих граждан; больше того—if это только возможно, бейте их с еще большей силой и быстротой, нежели вы делали это до сих пор, но вместе с тем щадите слабые или невежественные массы. Следуйте изложенным нами принципам, в частности применяйте их к жителям Бове, и вы получите новые права на общественную благодарность.

«Те, кого возложенные на них огромные задачи вынуждают изложить вам эти соображения, являются людьми, наиболее расположеными поддерживать ту систему энергии, которая одна только в состоянии спасти родину и оценивать то гражданское мужество, пример которого вы подали».

Если таким образом робеспьеристское большинство Комитета Общественного Спасения¹⁾ с самого возникновения дехристианизаторского движения боролось против такового, то тоже самое следует, повидимому, сказать и про Комитет Общей Безопасности²⁾. По крайней мере, это единственное объяснение для тех событий, которые были связаны с петицией народного общества коммуны Меннеси.

Мы видели выше, что 16 брюмера делегация этого общества ходатайствовала перед Конвентом об упразднении церковного прихода в пределах коммуны Меннеси и заявляла о поднесении Конвенту церковных ценностей этого прихода. Однако, еще до выступления этой делегации, в Меннеси по распоряжению Комитета Общей Безопасности были арестованы мэр, прокурор коммуны, вице-председатель народного общества и некоторые другие граждане, на что делегаты и жаловались в конвентском заседании 16 брюмера. А в то самое время, когда делегаты Меннеси находились в Конвенте, в гостинице, в которой они проживали явились жандармы, представившие ордер Комитета Общей Безопасности на арест пяти членов делегации и конфискацию приве-

зенных ими в Париж церковных ценностей. Одновременно с этим были произведены дополнительные аресты в самом Меннеси.

Но если таким образом действовали в это время Комитеты Общественного Спасения и Общей Безопасности, то и сам Робеспьер, не выступая пока с открытой критикой Культа Развума, вместе с тем и отнюдь не скрывал своих взглядов. Мы уже неоднократно говорили, что Робеспьер, будучи по своим принципиальным взглядам, вполне соответствовавшим его классовой сущности, убежденным сторонником религии, вместе с тем опасался, что недостаточно осторожное обращение с католицизмом может оттолкнуть от революции широкие массы. А осенью 1793 г. к этому присоединилась еще и боязнь, что преследование католической религии и церкви может толкнуть в стан врагов Французской Республики те немногочисленные иностранные державы, которые до этого времени соблюдали нейтралитет, а равно и оттолкнуть от сочувствия революции католически-настроенные народные массы Бельгии, Голландии и других стран.

Эти опасения Робеспьера были с полной откровенностью изложены им в заседании Комитета Общественного Спасения в ночь с 16 на 17 брюмера, когда Анахарзис Клоотц явился туда и рассказал о его только что состоявшемся интервью с Гобелем. Вот что впоследствии, 22 фримера, Робеспьер рассказывал об этом в заседании якобинского клуба.

«Он (Клоотц. Я. М.) явился в Комитет хвастаться этим своим подвигом.—Но, заявил я ему, вы нам недавно говорили, что следует вступить в Нидерланды, вернуть им независимость и обращаться с их жителями, как с братьями. Почему же вы теперь стремитесь оттолкнуть от нас бельгийцев, нападая на предрасудки, к которым как вы знаете, они прочно привязаны?—О,—отвечал он мне,—но ведь это уже дело прошлого. Разве нас тысячу раз не называли безбожниками?—Да, но это утверждение не могло быть подкреплено фактами.—Клоотц побледнел, ничего не ответил и вышел».

Если описанная сцена происходила в заседании Комитета Общественного Спасения, т. е. в довольно тесном кругу, то совершенно аналогичные мысли были вложены Робеспьером в его доклад о политическом положении Республики, сделанный им Конвенту от имени Комитета Общественного Спасения 27 брюмера (17 ноября). Говоря в этом докладе о том, что враги Франции не пренебрегают в своей борьбе с молодой республикой содержанием внутри нее своих агентов, надевающих на себя личину патриотизма и пользующихся таковой в интересах иностранных держав, Робеспьер продолжал:

«Недостаточным было то, что против нас вооружили исхитрированов; кроме этого хотели еще возбудить против нас ненависть самих народов и сделать нашу революцию ненавистной всему миру... Как верх предательства, изменники стремились только создать пищу для клеветы...

«Они особенно старались противопоставить общественное мнение Парижа мнению всей остальной Франции, а мнение всей Франции—предрассудкам иностранных народов. Есть два способа все погубить: один заключается в том, чтобы делать вещи, скверные по своей природе, а другой—делать плохо или не во

¹⁾ Хотя Колло д'Эрбуа, Карно и Билло-Варен отнюдь не были, как известно, робеспьеристами, но в этот момент они поддерживали политику «неподкупного».

²⁾ Точно также как и в комитете Общественного спасения, большинство Комитета Общей Безопасности в этот момент шло за Робеспьером.

время хорошие сами по себе вещи. И оба эти способа применялись по очереди; особенно же ловко пользовались при помощи новых средств старым оружием фанатизма. Иногда даже могло казаться, что речь идет об его уничтожении; но на самом деле хотели лишь его усилить и посредством религиозных предрасудков уничтожить ее начала, которые были связаны с нашей революцией в силу принципов морали и общественного блага.

«Дюмурье в Бельгии призывал национальных волонтеров грабить церкви и играть с серебряными святыми, и в то же самое время этот предатель опубликовывал достойные римского первоисполнителя религиозные манифести, призывающие на голову французов проклятия бельгийцев и всего человеческого рода. Таким же образом внутренние враги громили здесь священников, а на юге и западе благоприятствовали бунтам и восстаниям!».

Таким образом Робеспьер, ни одним словом не упоминая о Культе Разума и дехристианизаторском движении осени 1793 г., тем не менее совершенно ясно намекает на то, что все это движение есть ничто иное, как результат сознательной провокации врагов Республики! А через три дня после этого, 1 фримера, Робеспьер окончательно раскрывает свои карты и выступает со своей знаменитой речью этого дня в якобинском клубе. Чем же объяснить такой поворот политики и почему Робеспьер, еще за десять дней до того ограничивавшийся осуждением тактики Анахаренса Клоотца в тиши Комитета Общественного Спасения, смело и решительно выступает теперь во всеуслышание против дехристианизации?

Нам уже приходилось говорить, что робеспьеристы не решаясь с самого начала открыто выступить против дехристианизации, ждали лишь случая наглядно доказать своим противникам связанные с таковой грозные опасности. Мы выше приводили донесение конвентского комиссара Годфруа о событиях в местечке Курталэн; донесение это было написано 24 брюмера и должно было дойти до Парижа числа 26—27-го. Теперь у Робеспьера был в руках документ, целиком оправдывающий опасения, выраженные Комитетом Общественного Спасения еще в его письме к Дюмону от 6 брюмера и весьма вероятно, что именно сообщение Годфруа было одним из факторов, вызвавших робеспьевские речи 27 брюмера и 1 фримера.

Однако, фактор этот не был единственным мотивом действий Робеспьера и было бы явно ошибочно пытаться выводить тактику «неподкупного» в вопросах религии из одних только соображений религиозной политики. Нам уже приходилось упоминать, что вся религиозная политика эпохи Французской Революции, как и всякая, впрочем, религиозная политика вообще, была ничем иным, как одной из сложных составных частей всей совокупности классовой борьбы данной эпохи и речи Робеспьера 27 брюмера и 1 фримера могут служить как раз блестящей иллюстрацией этого тезиса.

Утром 27 брюмера к Робеспьеру пришел Шабо и рассказал ему о громадном заговоре, связанном с закрытием индийской компании и участниками которого, по его словам, были как дантонисты Делонэ и Жюльен из Тулузы, так и эбертисты Эбер, Шо-

метт, Паш, Проли, Перейра, Дюбюссон, Дефье и другие¹⁾. Робеспьер направил Шабо в Комитет Общей Безопасности и на следующий день Конвенту было сообщено, что по распоряжению обоих правительственный комитетов, арестованы, в качестве меры предупреждения, члены Конвента Шабо, Базир, Делонэ и Жюльен из Тулузы. Впоследствии выяснилось, что разоблачение Шабо было сделано лишь для того, чтобы скрыть свою собственную грязную роль в этом деле и что если указанные Шабо дантонисты (а также и некоторые другие, им неназванные) были действительно виновны во взяточничестве, то эбертисты были тут ровно непричем и были, что называется, притянуты за волосы. Но в данный момент Робеспьер целиком верил Шабо и считал по этому нужным выступить как против дантонистов, так и в особенности против эбертистов²⁾). Отсюда содержащееся в произнесенной под непосредственным впечатлением доноса Шабо речи 27-го брюмера утверждение о том, что сторонники дехристианизации являются агентами иностранных держав; отсюда же вообще стремление Робеспьера посильнее ударить по Культу Разума, представлявшемуся ему излюбленным детищем эбертизма.

Приведем теперь важнейшие места из речи Робеспьера 1-го фримера:

«Неужели правда, что фанатизм является главной причиной наших бедствий? Фанатизм? Он изыхает; можно сказать, что он уже умер. Направляя на борьбу с ним все наше внимание, не отвлекают ли его от действительных опасностей, которые нам угрожают?

«Вы говорили, что боитесь священников, но священники гораздо больше боятся прогресса просвещения. Вы боитесь священников, а они спешат сами сложить свой сан и взять на себя исполнение обязанностей муниципальных служащих, администраций и даже председателей народных обществ. Проверьте только их любви к родине, искренности их быстрого отречения и они будут вполне довольны вами...

«Нет, не фанатизм должен быть сейчас главным предметом наших забот... Я вижу лишь один способ разбудить среди нас фанатизм—это сделать вид, что мы верим в его могущество. Фанатизм—это дикое и капризное животное; он бежит от разума; но если вы будете преследовать его громкими криками, то он вернется на прежнее место.

«Какие иные последствия могут быть результатом той чрезмерной и внезапной горячности, того преувеличенного и лицемерного рвения, с которым ведут борьбу против фанатизма в течение некоторого времени? Я уже говорил в Конвенте (27 брюмера. Я. М.) и я повторяю здесь, что имеется бесконечное множество явлений, вызванных врагами с целью погубить свободу, но использованных здравым смыслом народа для дальнейшего развития Революции.

1) Подробное об этом см. книги Альбера Матьеza: *Un procès de corruption sous la terreur* «La corruption parlementaire sous la terreur», «La conspiration de l'étranger» и др.

2) Этой действенности целей Робеспьера вполне соответствовало то цитированное нами место из его речи 27 брюмера, в котором он говорил, что есть два способа все погубить. Как известно, мысль эта повторялась затем Робеспьером в целом ряде его последующих речей.